

A photograph of a man, a pregnant woman, and a young girl. The man is on the left, wearing a white shirt, looking thoughtfully at the camera with his hand on his chin. The pregnant woman is on the right, wearing a white tank top and grey pants, looking down at her belly. The young girl is in the center, wearing a white shirt, looking up at the woman's belly with her hands on it. The background shows a staircase and a modern interior.

НАСТЯ ИЛЬИНА

спаси

мою дочь,
бывшая!

Настя Ильина

Спаси мою дочь, бывшая!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784804

0101

Аннотация

– Моя дочь серьёзно больна. Нужна пересадка костного мозга, но подобрать стволовые клетки слишком тяжело из-за её особенностей. Ты единственная, кто может родить мне малыша с максимально близкими Асе параметрами.

– Почему не обратишься к моей сестричке? – спрашиваю, стараясь подавить внутри ярость.

– Она сбежала. Ей плевать на дочь.

– А мне нет?

– А ты не такая, как она! Спаси мою дочь!

Семь лет назад жених изменил мне с моей сестрой-близняшкой накануне свадьбы, а теперь набрался наглости и просит о помощи. Смогу ли я переступить через обиду, если на кону стоит жизнь ребёнка?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Дымка	10
Глава 2. Демьян	20
Глава 3. Дымка	29
Глава 4. Демьян	39
Глава 5. Дымка	49
Глава 6. Демьян	60
Глава 7. Дымка	71
Глава 8. Демьян	80
Глава 9. Дымка	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Спаси мою дочь, бывшая!

Автор: Настя Ильина

Пролог

Я выскакиваю из кабинета начальника злая, потому что меньше всего на свете хочу ехать в командировку в город разочарований.

«Кроме тебя с работой там никто не справится, Танечка!» – заявил босс, глядя на меня глазами кота из Шрека.

Ну а я что, козёл отпущения, что ли?

Я не хочу туда возвращаться, пусть это ненадолго.

Не хочу снова сталкиваться с людьми, которые предали меня, вонзили нож в спину и хорошенько провернули его.

Несколько раз поскользываюсь на плитке, противно скрипя по той шпилькой. Наверное, в эту секунду я в центре внимания, но мне плевать на всех. Мне просто нужно немного успокоиться и всё хорошенько обдумать.

Буквально вылетаю на улицу и шумно втягиваю свежий воздух. Обхватываю себя руками и кошусь на сотрудников, стоящих около курилки. Наверняка думают, что такого интересного мне сказал босс, чтобы пустить свежие сплетни по офису. Понятно, что никто лучше меня с работой не справится, ведь я пашу как вол, а они только и знают, что чай

гонять или покурить высказывать.

– Здравствуй, Дымка! – слышу голос, от которого меня начинает трясти.

Так меня называл только один человек... Человек, которого я никогда больше не желала видеть. Я боюсь даже обернуться, надеюсь, что это просто мираж, привидевшийся мне в порыве эмоций, но когда сильные пальцы сжимаю мои плечи, разворачивая в сторону своего обладателя, я готова рухнуть и потерять сознание.

Что Багрянский забыл здесь?

Как он тут оказался?

И не он ли приложил руку к этой командировке?

Теряю дар речи и смотрю в манящие глаза цвета морской волны с нескрываемым страхом. Осознав, что это не приведение, я скидываю руки бывшего с себя и делаю шаг назад. Мне становится противно от того, что он посмел прикоснуться ко мне.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю ледяным тоном, старательно давая понять, что разговаривать с ним не хочу.

– Тебя искал... А ты сама мне в руки попалась! – отвечает он с какой-то издёвкой в голосе.

– Я не шучу, Багрянский! Какого дьявола ты забыл здесь?

Мурашки покалывают кожу, и я злюсь на человека, который решил, что может вторгнуться в мою жизнь без последствий.

– Искал тебя! Спрячь колючки, Дымка! Они тебе совсем

не подходят! Давай пообедаем вместе и поговорим? Я не отниму у тебя много времени... – он щурится и хищно улыбается: – сегодня.

– Я не собираюсь обедать с тобой. Говори, зачем пришёл, потому что у меня рабочее время.

– Давай хотя бы отойдём в сторонку? Ты ведь не хочешь, чтобы я выложил всё при свидетелях?

Я смотрю на коллег, которые наострили уши и косятся в нашу сторону. Закатываю глаза и киваю в сторону своей машины. Багрянский следует за мной молча, а когда мы оказываемся рядом с моей ласточкой, он буквально прижимает меня к водительской дверце и прикасается к моей руке подушечками пальцев.

– Отойди, если хочешь, чтобы я говорила с тобой, а не достоинство отбила! – строго отчеканиваю я, и бывший усмеяется.

– А ты изменилась!

Решаю пропустить его слова мимо ушей, потому что меньше всего на свете хочу выслушивать, какая сильная и недоступная я стала. Это его касаться не должно. Теперь уже нет. И комплименты мне от него тем более не нужны.

– Переходи к делу! Чего ты хочешь от меня?

– Моя дочь серьёзно больна. Нужна пересадка костного мозга, но подобрать стволовые клетки слишком тяжело из-за её особенностей. Врач посоветовал использовать пуповинную кровь второго ребёнка. Ты единственная, кто может ро-

дить мне малыша с максимально близкими Асе параметрами.

Я теряю дар речи. Багрянский хочет, чтобы я родила ему второго ребёнка? Он совсем уже с ума сошёл? На секунду сердце сжимается. У меня есть племянница... Я знала, что сестра беременна, но кто у неё родился – нет. Мне не было дела до этого. Какая разница? А теперь вот бывший вывалил на меня даже то, что девочка больна. Вот только при чём тут я? Разве меня должно волновать, что стало с их ребёнком? Это их проблемы... *Наверное...*

– Почему не обратишься к моей сестричке? – спрашиваю, стараясь подавить внутри ярость. – У вас ведь любовь была!

– Она сбежала. Ей плевать на дочь, – сухо отвечает Багрянский и на мгновение отводит взгляд в сторону, словно мои слова задели его за живое.

– А мне нет? Девочка мне никто, можно сказать...

Как ему хватило наглости прийти сюда и просить помочь? Не просто дать денег на лечение или пригладеть за ребёнком... Родить ему второго...

– А ты не такая, как она! Спаси мою дочь!

Во взгляде Багрянского плещется надежда. Он смотрит на меня, как на единственную спасительную соломинку, а я ничего не могу ответить ему, потому что не ожидала такого разговора. Я представляла, что он появится в моей жизни и попытается снова начать просить прощения, и я готовила речь, которую непременно скажу ему, но теперь все те слова,

которые я часами репетировала перед зеркалом, не подходили. Я не могла сказать ему то, что так сильно хотела, потому что он не просил простить его и вернуться. *Он молил спасти жизнь его дочери...*

– А если я замужем? Ты не думал об этом?

– Ты не замужем, Дымка! Я узнал о тебе всё, что требовалось... У тебя даже молодого человека нет. Молю тебя, спаси мою дочь. Второго ребёнка я заберу, тебе не придётся оставлять его себе и воспитывать одной! Я хорошо заплачу тебе...

Последние слова почему-то задевают за живое, и я не могу проконтролировать себя, отвешивая Багрянскому звонкую пощёчину.

– Я тебе не подстилка продажная, чтобы платить мне за рождение ребёнка! – шиплю на него, с ненавистью глядя ему в глаза.

Желваки на лице мужчины начинают ходить. Мне кажется, что он хочет бросить какую-то гадость в мою сторону, но не делает этого, потому что от моего решения зависит жизнь его дочери.

– Что с ней? Не все заболевания можно вылечить перес... Договорить мне Багрянский не даёт.

– Апластическая анемия! И шансы полностью излечить этот недуг слишком высоки. Так ты согласна, Дымка?

Мы с бывшим смотрим друг другу в глаза, и между нами нарастает напряжение.

Что я должна ответить?

Глава 1. Дымка

Между мной и Багрянским нарастает напряжение, которое может взорвать воздух вокруг. Я хочу вырваться и снова сбежать от него, но в душе что-то нервно ёкает. Сердце будто бы сжимает кто-то. Как такое возможно? Почему моя сестра бросила свою больную дочь в столь бедственном положении? Вопросов много, но я не стану задавать их бывшему, потому что не хочу продолжать этот бессмысленный разговор.

– Ладно! Давай ты подумаешь немного, а завтра вечером дашь мне ответ. Хорошо? Прости, но у меня нет больше времени... Каждый день на счету. Дочка живёт на препаратах, которые поддерживают её здоровье!.. И я боюсь, что однажды они перестанут действовать...

Багрянский пытается надавить на жалость?

Думаю о том, что угрожай опасность жизни моего ребёнка, то я сама бы сходила с ума и просила о помощи хоть самого чёрта. Эмоции переполняют, и я понимаю, что ненависть к бывшему не должна перевесить в принятии непростого решения.

Ничего не отвечаю ему и просто прохожу мимо. Багрянский не пытается остановить меня, хотя бы на этом спасибо. Наверное, он понял, что просить меня о прощении не имеет смысла – до ледяного сердца не достучаться, поэтому даже не пытается затронуть тему нашего прошлого.

Перед глазами снова проносится тот злополучный день, когда я приехала к жениху, чтобы сделать сюрприз, а он кувыркался с моей сестрой.

– Т-таня? – недоумение плескалось во взгляде Багрянского, пока я внутренне умираю.

Всё хорошее, что было во мне, умерло в одно мгновение. Целую ночь я бродила по парку и рыдала, хотела в лепёшку разбиться, только бы забыть увиденное, стереть из памяти проклятую измену, так сильно отпечатавшуюся в памяти.

Смахнув слезу со щеки, чтобы никто не увидел меня слабой, я возвращаюсь на своё рабочее место и пытаюсь переключиться на работу. Хочется спросить у начальника, сколько Багрянский заплатил ему за то, чтобы он отправил меня в командировку в родной город, но сил ругаться нет. Я просто хочу поскорее поехать домой, выпить крепкий кофе, отдающий терпкой горечью на кончике языка, укутаться в плед и уснуть. Странно, но на меня кофе действует, как самое лучшее снотворное. Возможно, хотя бы в этот раз кошмары не будут мучить меня, и я смогу поспать спокойно? Достаточно ведь того, что они ожили наяву!

День тянется слишком долго, а я ничего толкового сделать не успеваю. Голова раскалывается от боли и мыслей, что делать дальше. Я могла бы помочь Багрянскому спасти дочь и расстаться с ним раз и навсегда, но я не смогу оставить своего ребёнка. Ребёнка, о котором я и мечтать не могла рань-

ше... Вот только получится ли у меня полюбить его, если я буду знать, что его отец – ненавистный мной человек? Да и гуманно ли это? Рожать одного малыша во имя спасения другого? Я знаю, что многие семьи, попавшие в бедственное положение, именно так и делают... Но они подходят осознанно к своему решению и рожают малыша, который будет жить в любви... А вот рождённый, как панацея... Может ли он стать любимым и желанным? Все эти мысли не дают мне покоя, но мне жаль девочку, которая мучается... Ей сейчас шесть, наверное... Она должна пойти в школу, но недуг не позволит ей учиться наравне с остальными.

Вбиваю в поиске название заболевания, о котором мне сказал Багрянский, и открываю первый сайт из результатов поиска. Кожа покрывается мурашками от того, что там написано. Больно становится, что ни в чём неповинные дети страдают... Ведь малышка ещё не успела повидать жизнь...

На мгновение я ловлю себя на мысли, что почти готова ответить бывшему согласием и снова думаю... *Почему я?* Почему он нашёл меня, но не смог отыскать Анну? Шансы получить идентичное ДНК у ребёнка будут существенно выше, если его родит родная мать больной девочки... Пусть мы и близняшки, но я уверена, что хоть в чём-то да отличаемся на генном уровне... Или нет?

Я начинаю сходить с ума, поэтому за пять минут до окончания рабочего дня выключаю компьютер и покидаю офис. Я слишком сильно устала, и мне нужно отдохнуть. Надеюсь,

что удастся сделать это, а утром я ещё раз подумаю на свежую голову.

Наверное...

Сажусь в машину и понимаю, что не могу сконцентрироваться на дороге. Не хочу стать причиной аварии, поэтому вызываю такси и с горечью оставляю свою ласточку на парковке, надеясь, что всё будет нормально, и ей не проткнул колёса, как в прошлый раз. Сейчас вроде бы камеры починили, и виновника в случае чего можно будет найти быстро. Да и тогда я оставила её после новогоднего корпоратива, на котором позволила себе выпить чуточку шампанского. Перед Новым годом частенько «хулиганят», поэтому я надеюсь, что на этот раз меня пронесёт, ведь замена колёс снова влетит в копеечку.

Радуюсь тому, что таксист мне попался не болтливый и расслабляюсь. В салоне приятно пахнет цитрусовыми маслами, и я подумываю о том, что неплохо было бы принять ванну с солью: она всегда помогала мне прийти в себя. Вот только от этого желания не остаётся и следа, когда я расплачиваюсь с таксистом и выхожу из машины. Бывший стоит неподалёку от моего подъезда и смотрит на меня. Он теперь тенью за мной ходить будет? Увидев меня, он быстрым шагом направляется в мою сторону, а я ёжусь, потому что подавлена морально и не готова к перепалке с ним.

– Ты сказал, что у меня есть время до завтрашнего вечера! – пытаюсь отвязаться от ненужного разговора я.

– Уже нет. Мне позвонил врач и сказал, что счёт идёт на дни. Последние анализы Аси пришли плохие. Нужно действовать быстро, Дымка.

Последние слова бывшего уничтожают во мне остатки самообладания.

– Вот ты и действуй! Ты же её отец! А я никто! Никто твоей дочери! И тебе тоже! Просто убирайся из моей жизни и никогда больше не возвращайся в неё!

У меня возникает ощущение проклятого дежавю. Сколько раз я просила Багрянского исчезнуть из моей жизни и перестать напоминать о себе?.. А он снова появился! Спустя семь лет, когда я думала, что уже никогда не встречу с ним.

– Это твоё окончательное решение? – спрашивает он и стискивает зубы.

– Да! – отвечаю, чуть вздёрнув подбородок. – Я не стану помогать тебе!

– Я прошу помочь не мне, а маленькому умирающему ребёнку, Таня, но видимо ты до сих пор лелеешь придуманную обиду и жалеешь себя, не желая слышать других. Прости, что отнял у тебя время.

Багрянский разворачивается и быстрым шагом идёт к своей машине, а я чувствую себя опустошённой.

Неужели я только что подписала приговор ребёнку? Маленькой девочке? Своей племяннице?

Подсознание подкидывает мысль о том, что больных детей в мире много и всех не спасти, но тут же приходит но-

вая, бьющая под дых, чересчур искромётная фраза: «но этому ребёнку ещё можно помочь». Я задыхаюсь от собственной беспомощности и снова слышу в голове слова Багрянского: *«Видимо ты до сих пор лелеешь придуманную обиду и жалеешь себя!»*.

Смею ли я позволить ребёнку умереть из-за грехов её родителей?

Смогу ли я жить дальше с мыслью, что могла спасти, но не сделала этого?

Я борюсь с желанием остановить Багрянского, нырнуть в его машину и прямо сейчас поехать туда, где врач проведёт обследование и снова повторит слова, которые я уже услышала однажды...

«Вам будет слишком сложно забеременеть. Это не лечится. Скорее всего, у вас не будет детей в будущем».

Сердце бешено колотится в груди, а бывший разворачивается и быстрым шагом приближается ко мне. Он берёт меня за плечи, заставляя посмотреть ему в глаза, но делает это нежно, без капли грубости.

– Таня, ты единственный шанс спасти Асю... – глаза мужчины блестят от слёз, но мне не жаль его. Он заслужил эти страдания. Он – да, а его дочь – нет. В том-то и вся проблема. – Я не знаю, где искать Анну, если бы смог, то давно бы нашёл её и заставил помочь дочери. Мне известно только то, что она перебралась за границу с каким-то арабским шейхом... Таня, прошу тебя! Не отказывай! Тебе даже не при-

дётся спать со мной. Я всё сделаю для тебя! Буду обеспечивать тебя с малышом, защищать! Если ты хочешь оставить его себе, я соглашусь на твои условия, но прошу тебя, спаси Асю. Ты даже не представляешь, каково это – жить, зная, что ты не можешь помочь собственному ребёнку. Я отдал бы все свои деньги, всё, что у меня есть, но найти подходящий костный мозг врачи не могут.

Я никогда раньше не видела Багрянского настолько подавленным. Мужчина смотрел на меня, словно я на самом деле была единственным человеком, который мог помочь ему. Негромко всхлипнув, стряхиваю с себя его руки и с вызовом смотрю в глаза.

– Я не могу иметь детей! – кажется, что оголяю свою душу перед врагом, но я должна сделать это. – После того, как я...

Обрываюсь на полуслове. Не хочу снова поднимать эту тему, не желаю ворошить прошлое. Багрянский считает меня стервой, которая в отместку за измену лишила его большей части бизнеса, но он не знает самого главного: я мстила не за измену... За жизнь, которая оборвалась внутри меня, толком не успев развиться после тех злополучных событий.

– После чего? Почему, Таня?

Бывший смотрит на меня, словно раненый зверь, ожидающий последний удар, который добьёт его. Он теряет надежду на то, что я помогу ему спасти дочь и внутреннее умирает от этой мысли, как я когда-то.

– Неважно... Врачи сказали, что если мне и удастся забе-

ременеть, то это будет чудо.

– Мне только на чудо и остаётся надеяться, Дымка! Только оно может спасти мою дочь... Костный мозг второго ребёнка тоже может не подойти, но шанс есть. И этот шанс – чудо.

Багрянский немного обмякает. Он понимает, что его планы катятся под откос, и он ничего не может поделать с этим. Никак не повлияет.

– Ты согласишься пройти обследование в хорошей клинике? – осторожно, теперь уже без напускного тона задаёт вопрос мужчина.

– Пока я соглашусь только на обследование...

Выдыхаю, потому что всё ещё не могу приложить ума, как быть дальше. Я думала, что разорву Багрянского на кусочки, если мы встретимся, но я не могу из-за обиды на него позволить родному человеку умереть. Девочка не виновата. И она родная мне. Пусть Аня бросила свою дочь, я не смею позволить племяннице, которую даже не знаю, умереть. Говорила мне бабушка, что слишком доброе сердце погубит меня, и она была права в своих суждениях.

– Тогда собирайся, Дымка. Мы должны вылететь сейчас.

– Сейчас? Ты в своём уме? Рейсы не ходят так часто... Это тебе не столица...

– Мы полетим частным рейсом, Дымка. Я же сказал тебе, что готов отдать все деньги, которые у меня есть, чтобы спасти мою дочь... А ты не думала ведь, что я загнусь, после того, как ты слила конкурентами все мои наработки и секреты?

Щёки вспыхивают на мгновение от стыда, но я напоминаю себе, почему так поступила. Мне не за что стыдиться. На моём месте любая попыталась бы отомстить...

– Мне нужно взять отпуск на работе...

Кажется, что я всё ещё пытаюсь ухватиться за любую ниточку, только бы не ехать вместе с ним. Но я сама согласилась, а счёт пошёл слишком быстрый. Успеем ли мы спасти девочку сейчас?

– Я всё улажу, Дымка! Тебе не придётся работать! Ты ни в чём не будешь нуждаться! – настойчиво напоминает мне о своём обещании Багрянский, но мне не нужны его деньги... Я пока ещё ничего не обещала ему, лишь согласилась пройти обследование.

– Подожди немного, я соберу вещи!

Мужчина кивает, и я оставляю его, быстрым шагом ныряя в душный пропахший болотной тиной подъезд. Слезы, которые я всё это время держала внутри, всё-таки текут по щекам. Трясущейся рукой открываю дверь в квартиру и утопаю в шемящей пустоте одиночества, которым пропитан каждый квадратный метр.

Обхватываю себя руками и начинаю рыдать, позволив себе ненадолго побыть слабой. Я неуверенна, что поступаю правильно. Если решилась на один шаг, значит, пойду дальше, а если пойду дальше, то к чему всё это приведёт? Тяжело вздыхаю, беру спортивную сумку и складываю в неё самые необходимые вещи на несколько дней. Наверное, я просто

уверена, что врач подтвердит невозможность забеременеть, и я вернусь домой с чистой совестью, понимая, что физически не могу спасти девочку, однако внутри всё равно шевелится червячок сомнения.

Что, если анализы будут хорошими?

Как тогда я должна буду повести себя?

И отпустит ли Багрянский меня из своей жизни, если я рожу ему второго ребёнка?

Сейчас он беспокоится за жизнь своей дочери, но что, если потом будет так же яростно оставить себе второго малыша?

Мне становится дурно от всех этих мыслей. Я поднимаю сумку за ручки, и смотрю в одну точку перед собой. А ведь когда-то я любила этого человека... Любила и желала провести с ним всю свою жизнь...

Глава 2. Демьян

Дымка изменилась до неузнаваемости. Смотрю на неё и понимаю, что рядом совершенно другой человек. Это больше не та жизнерадостная девушка, которую я когда-то полюбил. Я до сих пор храню в сердце самые тёплые воспоминания о нашем прошлом. Моя Дымка всегда была нежная, добрая и красивая. Красота и доброта в ней остались – я вижу, как ей тяжело бороться с обидой и внутренним голосом, который хочет помочь моей дочери. Что насчёт нежности? Её вытравил ядовитый корень обиды...

Знаю, что меня она никогда меня не простит, впрочем, я и не планировал давить на больные мозоли и молить о прощении. В своё время мы причинили немало боли друг другу, поэтому лучше не бередить раны прошлого и оставить всё как есть.

Вот только я понимаю, что ребёнок, если у нас всё получится, и Дымка родит его, станет проблемой. Вряд ли я смогу исчезнуть из его жизни, потому что он будет мне таким же родным, как Ася. Сказал бы, что роднее, ведь его родит женщина, которую я любил... Вот только неважно, кто именно родил его. Узнав о беременности Ани, я долгое время не мог прийти в себя, не знал, смогу ли принять этого малыша, но когда Ася появилась на свет...

Я тяжело вздыхаю, открываю на телефоне фото дочери и

смотрю на него какое-то время. Жизненный свет слишком блёклый во взгляде моей девочки. Необходимость поскорее прижать её к себе и сказать, что всё будет хорошо, становится практически невыносимой. Я очень рассчитываю на то, что чудо в нашей жизни всё-таки случится, пусть я и недостойн получить его.

Я плохой отец, раз не смог уберечь дочь.

Никогда не думал, что окажусь в подобной ситуации. Я активно жертвовал на благотворительность и помогал детям с серьёзными заболеваниями, но, когда моя дочь оказалась в бедственном положении, я оказался бесполезным. Никакие деньги мира не спасут её, потому что десятки, сотни доноров в день не подходят ей.

Ну почему ситуация настолько тупиковая?

Кто придумал это проклятое испытание для меня?

Набираю номер СБ-шника, который занимается поиском Анны. Он уже несколько месяцев ищет эту стерву, но всё безуспешно. Она словно сквозь землю провалилась. Поменяла имя и фамилию, чтобы я не нашёл её? Живёт по поддельным документам?

– Демьян Константинович! – отвечает СБ-шник, но по его тону понимаю, что он скажет снова – ничего.

– Совсем ничего? – решаю уточнить, еще не получив его ответ.

– Совсем. Мы перерыли всё, но она на самом деле будто бы сквозь землю... Мы делаем всё возможное!

– Тогда попытайтесь сделать невозможное! – почти кричу я и отключаю телефон.

Если Дымка действительно не сможет забеременеть, то у меня не останется шанса спасти дочь. Как я смогу посмотреть ей в глаза и сказать, что не справился? Я не могу предать маленькую крошку, жизнь которой зависит от меня.

Она страдает за мои грехи...

Лучше бы Бог забрал мою жизнь, чем теперь пытается отнять мою девочку.

Какое-то время я думаю – ну почему мои стволовые клетки не подходят ей? Но я ничего не соображаю в медицине... Врач объяснял, а я так и не понял. Я бы без раздумий сердце из груди вырвал и отдал ей... Она больше достойна жизни, чем я.

Смотрю на небеса и беззвучно молю их поменять меня с Асей местами.

Я хочу, чтобы моя дочь снова радовалась жизни, чтобы она жила!

Жду Дымку, нервно поглядывая на наручные часы.

Её нет почти час.

Ладно.

Сорок минут.

Почему так долго?

Что, если она передумала?

Вторая мысль бьёт по вискам молотом Тора: а что, если на неё напали в подъезде?

Мне следовало пойти с ней, чтобы оберегать её. Я ведь всегда тенью маячил за её спиной и оберегал, а когда оказался так близко, потерял бдительность!

Идиот!

Подхожу к подъезду и уже хочу набрать номер её квартиры в домофоне, но дверь открывается, и Дымка выскакивает наружу. Мы с ней сталкиваемся, и она ударяется лбом о моё плечо.

– Не стой у меня на пути, Багрянский! – цедит сквозь зубы, как маленький ёжик, а меня забавляет это.

Вынужденно для самого себя признаю, что скучал по ней, но потом напоминаю себе, какой нож она вогнула мне в спину.

– Прости, но иногда следует смотреть по сторонам! – отвечаю и прикусываю язык.

Мы с Дымкой частенько препирались раньше. Ссорились, мирились, но сейчас я не мог вести себя точно так же и заигрывать с ней: она ненавидит меня. От решения Дымки может зависеть жизнь моей дочери, и я должен делать всё, чтобы создать для бывшей комфортные условия... А главное для неё – чтобы я держался в стороне.

Тяжело вздыхаю, беру сумку из её рук, на мгновение позволив прикоснуться к запястью девушки пальцами. Меня прошибает ознобом, а Дымка пыхтит и ругается себе под нос, что вообще согласилась поехать со мной.

– Багрянский, ещё раз посмеешь прикоснуться ко мне, и

я вернусь! Держись от меня подальше! – строгим тоном заявляет Дымка. – Я предупредила!

Она говорит, совсем как тогда, когда я на коленях перед ней ползал и молил о прощении, а она с гордым видом смотрела на меня и готовила ужаснейшую подлость по отношению ко мне. В тот день рухнула империя, которую я клялся отцу, что смогу удержать на плаву.

Дымка знала, как бизнес отца был важен для меня, и ударила по самому больному, но я восстановился, как Феникс... И мои чувства к ней, судя по всему, тоже.

Аромат её кожи проникает в носовые пазухи, ненадолго превращая меня в одержимого. Как же я любил этот запах черешни и свежих сливок, которым обладала только одна девушка. Она всегда говорила мне, что эти продукты не сочетаются и посмеивалась, говоря, что кожу сметаной не мажет, с чего вдруг ей пахнуть сливками?.. Но как же отчётливо этот запах напомнил о себе, ударив по всем воспоминаниям разом.

Моя Дымка...

Моя девочка...

Стоп!

Мотаю головой и возвращаю себя в суровую реальность, где стоит смотреть в глаза правде – не моя, и больше никогда не станет моей. Между мной и Дымкой огромная пропасть. Огромная. Единственный мостик, который объединяет нас сейчас – моя дочь... Даже не объединяет. Таня может в лю-

бой момент отказаться помогать мне, и я должен буду принять её решение.

Становится страшно от мысли, что прочнейшим мостом может стать наш совместный ребёнок, но пока я стараюсь не думать об этом. Мы разберёмся. Во всём. Надеюсь, что Дымка позволит мне видеться с ним, если малыш появится на свет... Вряд ли я смогу отпустить их, ведь это будет мой ребёнок! От женщины, которая...

– Багрянский, ты говорил о срочности! Чего стоишь истуканом и пялишься на меня? – спрашивает Таня, вырывая меня из мыслей о будущем, которого может и не быть.

И всё же...

Почему она сказала, что у неё не может быть детей?

Мне ничего такого не докладывали. Я не знал даже о том, что она ходила по больницам и обследовалась... Или это было до того, как я установил охрану за Дымкой?

– Да, нам действительно нужно ехать! – соглашаюсь я и иду к машине.

– Стой! – вдруг широко распахивает глаза девушка, словно забыла что-то.

Я оборачиваюсь и смотрю на неё в ожидании очередной колкости.

– Моя машина осталась на служебной парковке. Ей же не только колёса проткнуть могут, но и без стёкол оставить!

Хочу сказать, что куплю ей новую, но уже понял, что Дымка такие «подарки» воспринимает в штыки. Нужно быть

осторожнее в своих словах, не в том я сейчас положении.

– Я договорюсь с человеком, он отвезёт её на платную стоянку на эвакуаторе...

– А если сигнализация сработает?

– Поверь, он сможет снять не только твою машину с сигнализации, но и обвалить системы безопасности Пентагона, если потребуется, – заверяю я, а Дымка чуть морщится.

Мы садимся в салон автомобиля, и я набираю номер доверенного лица, того самого, который не сводил глаз с моей бывшей длительное время. Говорю, что ему нужно будет сделать и даю добро взять недельку отпуска: уверен, что обследование займёт не меньше времени.

– Почему ты не нашёл Аню, если у тебя есть человек с такими способностями?

Удар Дымки бьёт под дых.

Вот это, конечно, хороший вопрос...

Её сестра провалилась.

Испарилась, и никакая система безопасности не может пробить её, потому что, судя по всему, она уехала со своим шейхом в пустыню на верблюдах. Вот только мне не хочется нагружать этими проблемами саму Дымку.

– Не хочешь говорить? Прекрасно! Тогда я посплю!

Таня закрывает глаза, скрещивает руки на груди и откидывается на спинку сиденья, а я смотрю на это завораживающее зрелище, но не позволяю взгляду задержаться надолго, напомнив себе, что «мы» в прошлом. У наших отноше-

ний нет будущего, пусть раньше я рассчитывал, что это не так. За эти годы мы оба изменились, и никто из нас не готов прощаться с тараканами, поселившимися в голове и устроившими там самый настоящий хаос.

Выезжаю на трассу, по которой мы довольно быстро доедем до аэропорта, и вспоминаю наше знакомство.

– Здравствуйте! – девушка стала спешно собирать документы, которые вывалились у неё из рук при столкновении, а я присел, чтобы помочь ей. – Простите! Я такая неловкая! Я так переживаю перед предстоящей встречей с вашим директором, ведь от заключения сделки зависит моё будущее...

– Вот как? – я удивился и изогнул правую бровь.

Девчонка подняла голову, и наши взгляды пересеклись.

– Я только п-прохожу стажировку. Никому не удалось растопить сердце Багрянского и подписать с ним контракт... Если я подпишу, то меня оставят на полную ставку, а если нет...

Я многозначительно улыбнулся и с изумлением уставился на неё. Неужели она не знала, с кем говорит?

Задумавшись, вылетаю на встречу и только крик Дымки заставляет меня среагировать быстро, увернувшись от лобового столкновения.

– Ты совсем с ума сошёл? Решил уйти на тот свет и меня с собой утащить? – кричит Таня, а я мельком смотрю на неё и заставляю прошлое заглохнуть навсегда, перестать напоми-

нать о себе. Сейчас у меня есть одна цель – спасти дочь от смерти. А дальше... Дальше мы будем решать проблемы по мере их поступления.

Мы доезжаем до аэропорта, и я оставляю машину, которую взял в каршеринг. Таня держится в сторонке от меня, и я не ошибаюсь, когда в самолёте она садится подальше от меня и отворачивается к иллюминатору. Я не рассчитывал на разговоры по душам, но мне отчего-то хочется познакомиться женщину с моей дочерью.

– Она очень похожа на тебя! – сам не знаю, зачем говорю это.

Капитан пока ещё заканчивает подготовку, а мы сидим в тишине пустого самолёта и утопаем в собственных мыслях.

– Она похожа на свою мать, Багрянский! Не забывай о том, что мы с Аней близнецы! – фыркает Дымка, не оборачиваясь в мою сторону.

– Я-то не забывал никогда, а вот ты, кажется, забыла! – вздыхаю я и решаю умолкнуть.

Скоро стюардесса принесёт напитки и ужин, но я уверен, что мне крошка хлеба даже в горло не полезет. Откидываюсь на спинку кресла, раскладываю его и закрываю глаза – нужно просто пережить весь этот кошмар. Дальше будет проще... Наверное...

Глава 3. Дымка

Я ничего не говорю Багрянскому в ответ на его выпад. Пусть хоть сотню раз говорит, что перепутал меня с сестрой-близняшкой и не желал изменять на самом деле – я всё равно не поверю ему. Как можно перепутать? Пусть у нас с Аней и было много общего, но имелись и различия. Впрочем, он особо и не пытался объяснить мне по каким таким показателям спутал нас... Да я и не желала слушать. Поздно объясняться, когда обмакнул свою кисточку в чужую чернильницу.

Я жмурюсь, когда самолёт начинает набирать скорость для взлёта. Стискиваю пальцами поручни кресла, потому что до сих пор жутко боюсь.

– Если хочешь, я могу сесть рядом с тобой! – слышу мягкий голос Багрянского и бросаю на него взгляд.

«Катись к дьяволу!» – хочется сказать, но я взрослый человек.

Если буду настолько эмоциональной в общении с ним, он может подумать, что всё ещё не безразличен мне. Вздёрнет ещё нос и начнёт снова увиваться вокруг меня.

– Нет, спасибо! Я изменилась! Помнишь? – отвечаю я, стараясь максимально расслабиться.

Мысленно вспоминаю наш первый полёт на самолёте.

Багрянский подписал договор с нашей компанией, чтобы

бедную практикантку оставили на полную ставку, но его обязательным условием была совместная работа. Именно по этой причине мужчина потребовал, чтобы мы вместе полетели представлять план совместного бренда в другом городе. Я тогда жутко боялась. Никогда раньше не летала на самолётах, и это был мой первый полёт. Меня всю трясло, хотелось наплевать на всё, выскочить из самолёта и забыть об этой сделке. Мысленно я даже представляла, как ищу новую работу, но тёплая ладонь легла поверх моей, а пальцы нежно сжались. Багрянский поглаживал мою руку круговыми движениями большого пальца. Открыв глаза, я поймала на себе его пристальный взгляд.

– Не знал, что ты так сильно боишься самолётов... Нужно было сказать, тогда мы бы поехали поездом! – произнёс мужчина бархатистым голосом.

– Я п-первый раз л-лечу... Не думал-ла, что это будет так стр-рашно... – ответила я мужчине и отвела взгляд в сторону, потому что мне становилось не по себе от того, как он смотрел на меня.

– Я рядом. Ничего не бойся! Я защищу тебя! – прошептал он, чуть склонившись ко мне и практически задев ухо своими губами.

Помотав головой, я отмахиваюсь от этих мыслей, возбуждавших сознание, и мельком смотрю на Багрянского. Мне кажется, что и он вспомнил тот день, но это уже не имеет совершенно никакого значения.

Заснув, я сильно злюсь на стюардессу, которая подходит и предлагает нам угощения. Вот только желудок вдруг начинает урчать, и я соглашаюсь поужинать. Дома-то не успела ведь, да и весь день была на нервах, поэтому единственное, что я успела скушать сегодня – ванильный чизкейк.

Девушка приносит рыбу с овощным салатом. Она даже не спрашивала, что именно я предпочту. Скорее всего, Багрянский уведомил её о моих предпочтениях и заранее заказал меню. Я голодна, поэтому не хочу спорить и говорить, что могли бы у меня уточнить, ем ли я, вообще, рыбу.

– Как бы странно это ни звучало, Дымка, но сегодня мы с тобой впервые ужинаем вместе с момента расставания! – вдруг произносит мужчина.

Бросаю на него уничтожающий взгляд и возвращаю внимание к еде. Кажется, что от аппетита в мгновение не осталось и следа. Умеет же Багрянский испортить настроение...

– Не дождёшься! – отвечаю я и приступаю к еде, не обращая на бывшего совершенно никакого внимания.

Если бы в помощи нуждалась не маленькая девочка, если бы это был не вопрос жизни и смерти, то я ни за что бы не полетела вместе с ним. Напоминаю себе цель нахождения в этом самолёте и с удовольствием уплетаю еду, приготовленную, наверняка, лучшими поварами. Багрянский с детства привык к тому, что ему достаётся всё самое лучшее. Наверное, ему было слишком сложно, когда его империя рухнула, и пришлось довольствоваться тем, что осталось. Хотя... Ка-

кая мне, вообще, разница?

Закончив с ужином, я благодарю стюардессу, откидываю кресло и засыпаю. Сон оказывается крепким, и хоть я вижу какие-то кошмары, но не могу проснуться. Открываю глаза лишь во время посадки, когда Багрянский мягко прикасается к моему плечу и просит поднять кресло. Первая мысль, возникшая в голове, стоит мне увидеть его – всё это мне приснилось, не было никакой измены, мы вместе... Вот только следом оглушает вторая: *было*. И этого не изменишь.

– Больше не смей трогать меня! – цежу я, поднимаю кресло и пристёгиваюсь.

Посадка проходит мягко, и уже скоро мы оказываемся в тонированном внедорожнике Багрянского. Запах вишнёвого сиропа и сливок бьёт в нос, и я открываю окно. Раньше он нравился мне, а теперь ненавижу всё, что связано с воспоминаниями о прошлом.

– Поедем сразу в медицинский центр, где врач скажет, что будем делать дальше. Потом заедем в больницу и заберём Асю, у неё закончились процедуры, теперь она сможет пожить какое-то время дома.

Я слушаю, но ничего не отвечаю. У Багрянского всё расписано. Он всё решил. Скорее всего, он был уверен в том, что я соглашусь поехать с ним. И мне хочется подавить внутри него эту уверенность, но я держусь из последних сил, напоминая себе, что поехала ради ребёнка.

Перед глазами проносятся до боли знакомые улицы. Как

же давно я не была в родном городе... Как же сильно я скучала по нему.

Ещё слишком рано, но, несмотря на это, люди с мечтательными улыбками на лицах, уже спешат по своим делам. Как замороженная наблюдаю за ними, вспоминая, что и сама когда-то жила так же, верила в жизнь и не задумывалась, что та может подставить подножку.

– Спасибо! – вдруг произносит Багрянский, заставляя посмотреть на него. Не понимаю, за что он благодарит меня, какое-то время гляжу на мужчину, а он внимательно следит за дорогой. Взгляд скользит на его руки. Раньше я безумно любила смотреть на его руки, так искусно лежащие на руле и пальцы, невесомо сжимающие кожаную оплётку. – За то, что согласилась хотя бы попытаться помочь.

Время в медицинском центре пролетает слишком быстро. Медсестра – довольно милая дружелюбная девушка – водит меня от одного кабинета к другому и поддерживает, говоря, чтобы я ничего не боялась. Наверное, мой страх слишком явный, а может, у неё просто наточенный взгляд? Возможно, не первая такая... Конечно, Багрянский никого больше не мог проводить, но ведь помимо нас через этот медицинский центр проходят тысячи людей...

Сдав все необходимые анализы и пройдя проверку у всех возможных врачей, у меня остаётся последняя ступень. Гинеколог, который будет вести мою беременность, если, ко-

нечно, та возможна, начинает задавать вопросы, от которых я впадаю в ступор. Он спрашивает, как давно у меня была половая связь, были ли раньше сбои цикла из-за возможного «залёта» и не пила ли я средства для быстрой защиты.

– Вы сохраните врачебную тайну, если я буду откровенной до конца? Я понимаю, что Багрянский платит вам хорошие деньги, но и о врачебной тайне забывать не следует! – осторожно говорю я, поглядывая на врача.

– Конечно! Всё, что мне удастся узнать, останется между нами. Господин Багрянский хочет лишь получить ответ о возможности или не возможности забеременеть. Ему важен результат, а всё остальное мы с вами обсудим в стенах этого кабинета.

Я киваю, поджимаю губы и опускаю голову, мысленно возвращаясь в тот самый страшный день в моей жизни, когда врач сообщил мне, что я потеряла ребёнка: *«Скажи спасибо, что сама жива осталась! Не всем дано в этой жизни продолжить род, а вот прожить подольше хочется каждому!»*. Его слова до сих пор бились в отголосках сознания, причиняя сильную боль. Я тогда думала о том, что лучше бы сама умерла, чем потеряла ребёнка, но, успокоившись, спустя годы поняла, что малыш ещё не успел даже сформироваться, срок был слишком маленьким, его всё равно не смогли бы спасти. Да и какого жить ребёнку без матери? Каково жить сейчас моей маленькой племяннице? И не признает ли она во мне мать? Мы ведь похожи с Анной... Слишком по-

хожи. Даже бабушка путала нас в детстве. Если только сестра не сменила имидж... Но и в таком случае ребёнок может уловить наше родство с её матерью и схожесть. Решаю позднее поговорить об этом с Багрянским и возвращаю внимание к врачу?

– У меня был выкидыш семь лет назад... После него врач сообщил мне, что возникла какая-то проблем с ооц-итами... Шансы забеременеть крайне низки.

Врач потирает виски и немного хмурится. Наверное, мне следовало сразу поделиться этой информацией.

– Мы взяли все необходимые анализы и поставили их в экстренную очередь... – произносит мужчина. – В любом случае, мы будем судить по результатам, ведь организм человека – потёмки. Сегодня у вас одно состояние, завтра другое. Однако теперь я сомневаюсь, что ЭКО окажется щадящим способом оплодотворения, если оно будет возможным.

Мелкий пот проступает на лбу. Липкая дрожь бежит по всему телу. Он сомневается, что в нашем случае может подойти ЭКО? Но что тогда? Мне бы не хотелось лечь на одну постель с Багрянским после всего, что между нами было... Я не готова сделать это даже ради спасения ребёнка. Смотрю перепуганным взглядом на врача, а он, словно считывает моё настроение. Мужчина улыбается и чуть качает головой.

– Вы не переживайте так... Если вы не желаете использовать естественный способ оплодотворения, то есть множе-

ство других. Например, инсеминация. В любом случае, сначала нам следует дождаться результатов анализов. По внешнему осмотру я могу сказать, что ничего страшного у вас нет. Все УЗИ хорошие, ЭКГ тоже. В целом вы идеально подходите на роль матери, но вы уверены, что хотите пойти на это?

Врач тяжело вздыхает и косится на закрытую дверь.

– Как вы уже сказали – господин Багрнянский платит нам хорошие деньги, но я в первую очередь врач. Я должен предупредить, что беременность может принести с собой немалые осложнения. Не каждая женщина сумеет родить дважды. Сейчас вы родите малыша во спасение чужой жизни, а потом, когда создадите семью, то может получиться так, что...

– Я поняла! – сухо отрезаю я и отвожу взгляд в сторону.

Мне не хочется говорить о будущем, которое и без того слишком призрачное и шаткое. Что бы ни было дальше, пусть движется своим чередом. До этого момента я была уверена, что не смогу забеременеть, но если такая вероятность существует, то откуда врачам знать, что будет после родов? Это будет потом... А сейчас, в настоящем, я могу спасти жизнь человека, маленькой девочки...

Кажется, я уже убедила себя, что сделаю это.

– Я могу идти? Как долго следует ждать все анализы?

– Три-пять дней! – пожимает плечами гинеколог. – Как я уже сказал, мы делаем всё возможное, чтобы ускорить этот процесс, но иногда сделать быстрее просто невозможно.

Я киваю, встаю на ноги и уже хочу уйти. Результаты сооб-

щат Багрянскому. А дальше будет видно.

– Я ещё раз настоятельно попрошу вас не рассказывать Демьяну о том, что было со мной в прошлом.

– Да! Конечно! – я чуть приоткрываю дверь, готовая выйти. – О выкидыше, случившемся семь лет назад, господин Багрянский ничего не узнает, а я буду думать, как лучше провести оплодотворение в виду открывшихся фактов, если, конечно, анализы придут нормальные.

– Спасибо! – бормочу себе под нос и выхожу в коридор.

В одно мгновение я оказываюсь прижатой к прохладной стене. Багрянский прижимается ко мне всем своим телом, опирается ладонями о стену по обе стороны от меня и ровно дышит. Что с ним случилось? Меня потрясывает от головокружительного запаха, исходящего от мужчины, совсем как раньше, но я в очередной раз напоминаю себе, кто стоит напротив.

– Какого дьявола? – спрашиваю я, стараясь оттолкнуть Багрянского, но ничего не получается.

Каждый мускул на теле мужчины напряжён до предела. Он смотрит на меня взглядом, наполненным яростью и тяжело дышит. С чего вдруг он превратился в такого зверя?

– Почему? Почему ты ничего не сказала мне о ребёнке, Дымка? – цедит сквозь зубы Багрянский, и меня охватывает жар.

Идиотка!

Я ведь приоткрыла дверь и, скорее всего, он услышал наш

разговор с врачом.

Глава 4. Демьян

Внутри всё закипает, стоит мне услышать слова врача. Дымка попросила его ничего не сообщать мне о выкидыше, который случился у неё семь лет назад...

Но почему?

Почему она молчала и держала всё в себе?

Она сама избавилась от ребёнка? Или это случилось на нервной почве?

Прижимаю её к стене и зло цежу сквозь стиснутые зубы:

– Почему?

Дымка часто дышит. Она волнуется. Наверное, злится на себя, что приоткрыла дверь и выдала свою маленькую тайну, секрет, который хранила так долго, а выдала мне на блюдечке из-за опрометчивости.

– Пусти меня, Багрянский! Пусти и больше не смей хватать! Тебя не должно касаться то, что случилось со мной в прошлом! Ты сделал свой выбор. Если хочешь, чтобы помогла в настоящем, будь добр вести себя уважительно.

– Сделал выбор? Ты ни черта так и не поняла! Будь по-твоему...

Я отпускаю Дымку и отхожу от неё. Если бы я не зависел от неё, то постарался бы довести дело до конца. Я бы пытался вывести Дымку на эмоции, заставить всё высказать мне. Выплакать всю боль. Но я не могу этого сделать. Не смею. Мне

бы хотелось во всём разобраться, уладить наш конфликт, хотя бы попытаться сделать это... Но от Дымки зависит жизнь моей дочери, и мне проще упасть на колени, став послушным псом, чем ссориться и доказывать свою правоту. Да и правоты ведь там не так много на самом деле. Я накосячил... Накосячил, но не я один был виновен в этом.

Тяжело вздыхаю и отворачиваюсь, а Дымка скрещивает руки на груди и принимается пыхтеть, озлобленно глядя на меня. Я понимаю её чувства и не прошу у неё как-то иначе относиться ко мне.

– Это был мой ребёнок? – выдавливаю единственный вопрос, на который сейчас способен.

Внутри до сих пор неприятно покалывает. Сердечную мышцу сводит жутким спазмом. Пожалуй, я испытал в это мгновение схожие эмоции с тем, что захватило меня, стоило врачу сообщить страшный диагноз Аси. Я уже потерял одного ребёнка. От кого же он ещё мог быть? Конечно же, от меня... Я неудачник... Ребёнок от любимой женщины мог называть меня папой, а вместо этого он умер, ещё не успев родиться.

– Какая теперь уже разница? Ты говорил, что хочешь захватить за дочерью... – вздыхает Дымка.

Я понимаю, что эта тема болезненна для неё и решаю, что больше не хочу обсуждать её. Мне не стоит давить на больное, ведь Дымке и без того тяжело было хранить в себе эту тайну... Тайну, которая и сподвигла её уничтожить меня. Ру-

ки сжимаются в кулаки, а желваки нервно передёргиваются.

Давно мне не было так тошно.

– Да, мы заедем за Асей, а потом домой...

– Я не поеду к тебе домой... – отрицательно мотает головой Дымка, и я устремляю на неё вопросительный взгляд.

– Я не собираюсь жить там, где ты... где вы... Нет, Багрянский...

– Я купил новый дом! – отвечаю сухо, понимая, к чему она клонит.

Она не хочет вспоминать измену, я и сам не хотел...

– Это не имеет значения... Совершенно никакого. Я не могу поехать с тобой. Да и твоей дочери лучше не пересекаться со мной. Она будет принимать меня за маму, а я не собираюсь привязываться к ней.

Вижу, как дрожит Дымка, и борюсь с сильнейшим желанием прижать её к себе и прошептать ей на ушко, что всё будет хорошо, что я постараюсь всё исправить... Нет, исправить не получится. Я постараюсь сделать так, чтобы она снова могла доверять мне, пусть это сравнима с борьбой со смертью и имеет слишком мало шансов.

– Ася не знает свою мать, Дымка! – выдыхаю я, когда мы выходим из медицинского центра. Я подставляю лицо солнцу, закрываю глаза и ненадолго расслабляюсь. Кажется, настал момент откровений?

– Что значит Ася не знает свою мать? – удивляется Таня и не может скрыть свои эмоции, плещущиеся внутри неё на-

стоящим гейзером.

– Это слишком непростая история... Когда родилась Ася, твоя сестра отказалась от неё, бросила ребёнка и сбежала... Ася никогда не знала вкуса грудного молока, она даже ни разу не была на руках матери. Она не узнает её в тебе, ты можешь не переживать об этом.

Вижу, что Дымка готова расплакаться от моих слов, но это не то, чего я хотел добиться. Я надеялся, что хотя бы какое-то время она побудет рядом, что так будет проще, что у меня появится ещё один шанс...

Возможно...

Но нет...

Она не оставляет мне шанса...

Снова.

– В любом случае пока я не готова знакомиться с твоей дочерью... Дальше наши пути разойдутся. Я вызову такси, хочу поехать в наш деревенский домик...

– Дымка!..

Наши взгляды пересекаются, а губы девушки немного приоткрываются, как в первый раз, когда я поцеловал её. Это был незабываемый поцелуй, который отпечатался в памяти, и мне хотелось повторить его. Прямо сейчас. Но нельзя. Нельзя даже думать об этом.

– Нет, Багрянский... Я приехала сюда, чтобы попробовать помочь твоей дочери, но я не обещала становиться её матерью или нянькой... Я не хочу знакомиться с девочкой. Про-

сти.

Если бы Таня увидела Асю, она всё поняла и без слов. Ради этой малышки я жил последнее время, только она поддерживала меня, была смыслом моей жизни... Стоит только заглянуть в эти искренние глаза человечка, который верит тебе, надеется, что ты защитишь его...

– Позволь, я хотя бы отвезу тебя туда? – смотрю на Дымку с надеждой.

– Нет. Дай мне свободу... Ладно? Я не хочу, чтобы ты ходил за мной по пятам, Багрянский! Позвони мне, когда станут известны результаты анализов, а пока просто отдай сумку с моими вещами, и поезжай за своей дочерью.

Я смотрю на наручные часы. Мне действительно пора забрать Асю. Все процедуры закончились, и она наверняка ждёт меня. А Дымка слишком явно даёт мне понять, что я лишний в её жизни.

Молча достаю её сумку и отдаю девушке. Я хочу силой засунуть её в машину и отвезти самостоятельно, желательно в свой особняк, но не могу этого сделать... Хотя бы во имя прошлого, которое у нас было. Силой ничего нельзя добиться. Совсем ничего.

Дымка вызывает такси. Я дожидаюсь, когда она ныряет в машину, и переписываю номерные знаки той, а затем долгое время смотрю в одну точку на руле и с силой ударяю по нему кулаками, крича от душевной боли.

Она. Потеряла. Моего. Ребёнка.

Ещё какое-то время я сижу в машине, привожу мысли в порядок, а затем еду в больницу, чтобы забрать дочь. Мы не виделись с ней несколько дней, и я ужасно соскучился по своей малышке. Хочется прижать её к себе и убедиться, что пока она со мной, что у нас есть шанс.

Я на взводе после встречи с Дымкой, после правды, откровеннейшей мне настолько неожиданно. Непривычно чувствовать себя ничтожеством, убившим собственного ребёнка, пусть и неосознанно. Вот только это ощущение не покидает меня.

Быть может, судьба наказала меня за это?

Хочет, чтобы я прочувствовал ту боль, которую тогда испытала Дымка?

Первым делом я захожу к её лечащему врачу. Андрей Семёнович поднимает на меня взгляд и выдавливает печальную улыбку, от которой всё внутри сжимается.

– Всё так плохо? Вы сказали, что у нас слишком мало времени... Мне хочется понимать, сколько его. Имеет ли смысл пытаться родить второго ребёнка, если можем не успеть?

– Второго ребёнка нужно рожать в первую очередь для себя! – словно корит меня врач. – Он станет вашей отрадой. Это будет ваш ребёнок!

– Да, я понимаю это, но пока я не в состоянии думать о себе. Я постоянно думаю о дочери. Уверен, что вам знакомы мои чувства, ведь наверняка у вас есть близкие...

– Понимаю! Именно по этой причине я и хотел погово-

рить с вами. Если вам удалось договориться с близняшкой вашей жены, то, возможно, мы могли бы попробовать проверить всё немного иначе... Возможно, было бы достаточно пересадки стволовых клеток женщины, если они подходят Асе.

Сердце заходится в груди.

Я об этом даже не подумал. Мои клетки не подошли, хоть и тест ДНК подтвердил, что мы с дочкой родные друг другу люди. Хотя порой у меня и возникали сомнения, я думал, что Аня обманула меня, но нет... Дочь была моей.

– Не буду ходить вокруг да около. Анемия подтипа, обнаруженного у вашей дочери, слишком коварна. Вы сами знаете, что один раз терапии хватает надолго, а второй... В этот раз всё прошло не так благополучно, как хотелось бы. Возможно, эмоциональный фон девочки сказался на лечении негативно... Она скучает без вас.

– Я должен был лично поговорить с Татьяной! – говорю я, чувствуя вину за то, что оставил дочь одну. Вот только это была вынужденная мера. Я не мог поступить иначе. Я должен был полететь в другой город и встретиться со своей бывшей.

– Я понимаю вас, но она ещё маленькая, чтобы это воспринимать правильно. Вам не следует цепляться до моих слов, Демьян Аристархович. То, что счёт пошёл на дни значит, что время ограничено... Это может быть месяц... год... полгода... Пять дней...

Пять дней...

Меня разрывает изнутри от мысли, что это может быть всего пять дней. Трясёт как безумца. Я потерял в этой жизни всё и не мог лишиться ещё и дочери... Своего второго ребёнка.

Вспоминаю тот день, когда Аня заявила, что беременна от меня. Это случилось через месяц после того, как я потерял любимую женщину. Мне хотелось дать ей деньги, чтобы избавилась от ребёнка, потому что я не представлял себя в роли отца.

– Делать аборт я не стану, Багрянский. Мне противопоказано это... А тебе придётся согласиться на мои условия и жениться на мне, если ты не хочешь лишиться всего, что у тебя есть и сесть в тюрьму...

Анна хищно сощурилась, а меня вдруг затошнило от её слов, которые сейчас снова прозвучали в голове.

Дрянь всё продумала с самого начала.

Теперь мне страшно вспоминать то, что я хотел лишить себя возможности стать отцом. Я ругал себя и мысленно молил Бога дать моей дочери ещё один шанс, чтобы она выжила. Дать этот шанс мне. Я многое успел пересмотреть в своей жизни, многое желал исправить.

– Демьян Аристархович, вы меня слышите? – настойчиво произносит Андрей Степанович.

– Да. Разумеется.

– Вы можете забирать Асю домой. Я прописал необходимый рацион для девочки и витамины, которые помогут вос-

полнить недостаток кровяных телец. На вашем месте я бы рассмотрел вариант с пересадкой костного мозга от тёти племяннице, если клетки подойдут. Это самый быстрый способ поставить вашу дочь на ноги. Способ абсолютно безопасен для донора...

Я киваю и встаю на ноги. Мне нужно поговорить с Дымкой. Если всё получится, то она обрадуется, ведь ей не придётся рожать от меня ребёнка. Наверняка Дымка ухватится за этот вариант, чтобы поскорее сбежать домой... Мне становится грустно от мысли, что скоро женщина покинет меня, но страшно загадывать что-то наперёд.

Выхожу из кабинета врача и иду в палату, где сейчас Ася дожидается меня вместе с нянькой. Сердце щемит, стоит приоткрыть дверь и увидеть маленькую исхудалую девочку с бледными покровами кожи. Огромные синяки под глазами и местами на теле пугают меня. Состояние у дочери на самом деле ужасное. Такое же было до первой терапии, но почему оно вернулось? Мы ведь всё делали правильно!

– Ася? – негромко зову я.

Дочь поднимает голову, отрываясь от игрушек, которыми была увлечена, отрешённым взглядом смотрит на меня и выдавливает улыбку. Она не бросается ко мне на шею, как делала это раньше, и я понимаю, что у неё слишком мало сил: их едва хватает, чтобы просто сидеть и перебирать своих любимых куколок.

– Милая, пора ехать домой... – говорю я и подхожу к ней.

Нянька принимается собирать вещи моей дочери, ничего не говоря мне, а я приближаюсь к кроватке и целую дочь в макушку. Больно, но я не показываю свои эмоции, ведь дети так сильно чувствуют их.

– Папочка, я умру? – вдруг задаёт вопрос Ася, от которого меня выворачивает.

Водоворот боли разрывает сердце на части.

Что я могу ответить девочке?

Как обещать ей, что всё будет нормально?

Глава 5. Дымка

Расплатившись с таксистом, я иду к покосившемуся забору, и на глаза тут же наворачиваются слёзы. Всё здесь поросло травой, а ведь раньше двор был таким ухоженным, всюду цвели сестры, и соседи с завистью поглядывали сюда, шепча, что «ведьма заколдовала растительность, не иначе»... Сердце замирает, когда я вспоминаю бабушку. Всё детство я провела с ней. Мне было так хорошо здесь и спокойно. Я верила в добро, видела в людях только хорошее и надеялась, что однажды в моей жизни случится настоящая сказка. И я жила в этой сказке какое-то время, пока не получила острый удар, направленный в самое сердце.

– Т-таня? – слышу голос со стороны и медленно оборачиваюсь. – Танечка! Бог ты мой! Вот уж не ожидала тебя когда-то увидеть!

Баба Нюра, соседка, с которой дружила моя бабушка, ковыляет в мою сторону, а я ставлю сумку, иду к ней навстречу и утопаю в её объятиях.

– Девочка моя! Как много времени прошло! Так жаль, что связь оборвалась! – всхлипывает женщина и едва слышно шмыгает носом.

– Да, немало... Семь лет! – отвечаю я. – Вы простите, что я тогда пропала с горизонта. Мне хотелось отрешиться от моего прошлого...

– Я тебя не виню! Конечно, я волновалась, ведь ты не чужой мне человек! Деточка, пойдём к нам? Чай попьёшь? У тебя ведь там уборки столько... Пыли накопилось за эти годы, да крысы, поди всюю хозяйничают.

– Ну... Крысы не такие страшные, как люди, – отвечаю с грустной улыбкой и опускаю голову.

Баба Нюра выпускает меня из объятий и делает пару шагов назад. Она пока не задаёт вопросы, но я знаю, что спросить она хочет многое. А я понятия не имею – готова ли делиться правдой. О том, что случилось со мной и Багрянским, она знает вкратце, и мне не хочется говорить, что вернулась я в город ради его дочери.

– Я только сумку в дом заброшу и сразу к вам! Ладно?

Баба Нюра кивает, говорит, что тогда она чай поставит и на стол накроет, а я возвращаюсь, беру сумку и толкаю поржавевшую калитку. Открывается она с мелодичным скрипом. Работы над домом много. Его нужно было продать кому-то, чтобы ухаживали за двором, да вот только нам с сестрой так и не удалось поделить наследство после того, как бабушки не стало.

А ведь столько воды утекло...

Нахожу под булыжником, поросшим самым настоящим мхом, ключ. Он заржавел – откроет ли замок? Тяжело вздыхаю и пытаюсь, но получается не сразу. Надо бы поехать в город и купить новый замок. Хорошо, что деревенька у нас спокойная, и никто ещё не сорвал его и не забрался в дом.

Улыбаюсь, когда вхожу на веранду, но на сердце появляется грусть от воспоминаний, которые мгновенно затягивают в свой водоворот. Мы приезжали сюда с Багрянским. Здесь у нас с ним была первая ночь, после которой он сказал, что больше никогда меня не отпустит. Гоню мысли о бывшем прочь и стараюсь хотя бы сейчас не думать о нём. Телефон начинает звонить, и когда я смотрю на экран, то готова выругаться отборным матом.

Багрянский!

Ну что ему нужно?

Результаты обследования не могли прийти так быстро...

Просто хочет лишний раз напомнить о себе?

Нажимаю на кнопку ответа и подношу телефон к уху, но ничего не говорю. Не хочу общаться с ним.

– Дымка, я говорил с врачом Аси... Он предложил опробовать ещё один вариант... Мы могли бы попытаться провести пересадку твоих стволовых клеток, если они подойдут моей дочери. Шанс, конечно, низкий, но он есть... Если ты не против сдать анализ...

– Когда?

Цепляюсь за эту мысль.

Не знаю, насколько болезненной будет процедура, но точно не хуже родов.

На секунду мне становится грустно, ведь я уже успела представить себя в роли матери...

Вот только что ни делается, делается к лучшему. Бабушка

всегда так говорила.

– Можно завтра. Сегодня уже врача, который берёт этот анализ, нет, а тебе нужно отдохнуть.

– Ладно. Тогда завтра. Я приеду, скажи мне адрес клиники...

– Я заберу тебя! – произносит Багрянский вкрадчивый голосом, словно боится услышать мой отказ.

Мне кажется, что лучше ему не показываться здесь, чтобы соседи не стали тыкать в мою сторону пальцем, но потом я говорю себе, что до них мне не должно быть совершенно никакого дела. Какая разница, кто станет смотреть на меня и тыкать пальцем? Пусть каждый следит за своей жизнью.

– Ладно! – отвечаю я.

– Тогда в восемь утра встретимся?

Голос мужчины звучит сдавленно, и я понимаю, что он стал таким после встречи с дочерью. Неужели всё настолько плохо?

– Да...

Отключаю телефон, потому что не хочу проникаться к бывшему чувствами из-за жалости. Багрянский сам сделал свой выбор. Сделал его давно.

Вспоминаю про бабу Нюру, ставлю сумку на пыльный пол и решаю, что займусь уборкой после того, как попью чай и немного пообщаюсь с женщиной.

Спешу к ней, поднимаюсь по крыльцу и на входе сталкиваюсь с женщиной, которого не узнаю сразу.

– Таня! Бабушка сказала, что ты приехала!

Я медленно поднимаю взгляд и смотрю на него. Виктор сильно возмужал. Стал красивым, сильным. Я помнила его ещё худеньким подростком в очках, которого родители забрали в город. Мы были когда-то лучшими друзьями.

– Витя, здравствуй! – лепечу я и улыбаюсь. – Не думала, что мы когда-то встретимся.

– А я надеялся на это! – отвечает мужчина. – Во всех про-
хожих частенько искал тебя...

От бархатистого голоса Виктора, наполненного нескрыва-
емым восторгом, мне становится немного не по себе, и я сму-
щённо отвожу взгляд в сторону.

– Погуляем завтра вечером? Сегодня я в город уеду, по
работе, а вот завтра вернусь...

Я смотрю на Витю и думаю, что ответить ему...

Когда-то нас в шутку называли женихом и невестой, но
слишком много воды утекло.

Должна ли я бояться общения с ним теперь?

– Вить, я не знаю, – мотаю головой я.

– У тебя есть кто-то? Ты не подумай ничего лишнего,
Тань! Мы просто прогуляемся, как в былые времена, как
друзья...

– Ладно! – отвечаю с улыбкой и пытаюсь сбежать от
неудобных вопросов. Я не знаю, что ответить мужчине, по-
тому что у меня нет молодого человека, и я не планировала
обзаводиться им.

Мне хватило одного предательства, поэтому я даже не думала о серьёзных отношениях. Все свидания, которые были у меня после Багрянского, заканчивались на моей просьбе больше не писать и не звонить мне. Я сбегала от отношений, потому что боялась, что снова получу сильнейший удар в спину.

– Вот и договорились! Пойдём чай пить? Бабушка уже на стол накрыла! – улыбается Витя и аккуратно берёт меня под руку, увлекая в дом.

Внутри очень уютно и по-домашнему тепло, совсем как в детстве. Аромат жареных блинчиков с мёдом тут же проникает в носовые пазухи, и во рту начинает активно образовываться слюна. Я облизываю губы и мягко вытаскиваю свою руку из руки Виктора. Вроде бы мы уже не дети, чтобы ходить за ручку, и я совсем не помню, когда наши пальцы успели переплестись.

– Как здорово, что вы с Витюшей снова вместе, Танечка! Так приятно видеть вас! Мы с твоей бабушкой так часто мечтали о вашей свадьбе! – произносит баб Нюра, а я начинаю краснеть и отводить взгляд в сторону.

– Ну, баб, прекрати! То было в детстве, а теперь уже многое изменилось! – словно поймав моё смущение, перебивает бабушку Виктор. – Танюш, мой руки и давай за стол! Блины стынут ведь.

Я киваю, подхожу к умывальнику и мою руки. Когда-то я едва доставала до него. Я часто прибежала к бабе Нюре, что-

бы увидеться с Витькой и очень злилась, если узнавала, что он играл с другими девочками. И вот теперь мы встретились снова. Зачем? Судьба пыталась свести меня с ним? Но нам обоим это не было нужно... *Наверное.*

Присаживаюсь за стол, а Виктор наливает нам всем чай. Он больше не тот мальчишка, которого я видела рядом с собой, которому подарила свой первый невинный поцелуй... Сколько мне тогда было? Двенадцать? Так много лет прошло... Пока думаю, Витя начинает задавать вопросы.

– Я знаю, что после предательства жениха, ты уехала в другой город... Ты пропала с горизонтов и ничего не давала о себе знать... Как тебе там жилось?

– Да хорошо вроде бы... Поднялась до руководителя отдела в одной крупной компании, – улыбаюсь я, обхватывая кружку руками.

– А почему тогда ты вернулась? Решила провести здесь отпуск? – на мгновение в голосе Виктора слышится горечь.

Неужели он думал, что я вернулась сюда навсегда?

– Не то, чтобы отпуск... Скорее командировка. Здесь открывают филиал для работы с крупными партнёрами, а отправить кроме меня начальнику было некого... Всё-таки я уже проверенный человек.

Конечно, я привираю и чувствую себя неловко. Я никогда не врала родным людям, а теперь ощущаю себя предательницей какой-то... Чем я отличаюсь от Ани, которая постоянно врала близким? Хотя... Признаться честно, до Ани мне

далеко.

Мы говорим какое-то время об изменениях, произошедших в деревне, баба Нюра рассказывает мне о том, кто и как живёт, кого больше нет с нами, а потом начинает хвастаться достижениями внука и говорит, как много Виктор сумел достичь.

– Ба, ну не надо меня смущать. Я остался прежним Витькой и ничуть не изменился! – улыбается мужчина.

Я понимаю, что ещё немного, и баб Нюра начнёт сватать меня своему внуку, поэтому решаю, что пора бы и честь знать, ведь мне ещё предстоит убраться в доме, а это займёт немало времени.

– погоди, Танечка! Я тебе хоть чистого белья комплект дам, а то ведь там у тебя всё сырое... Если моль не прогрызла дырья на ткани.

– Спасибо! – отвечаю я, и бабушка уходит.

– Значит, ты скоро уедешь? – задаёт вопрос Виктор, от которого мне снова становится неловко.

Пока я не уверена, что скоро...

Если всё получится, то я пробуду здесь, как минимум, девять месяцев... А потом я не решила, что будет. Возможно, нам с малышом лучше будет остаться здесь, на свежем воздухе... Продам квартиру, положу деньги на банковский счёт и буду жить с ребёнком на проценты... В деревне нам этих денег хватит с лихвой. Хотя... Мне нельзя будет оставаться, ведь тогда Багрянский не даст мне прохода... Он будет пы-

таться заботиться о ребёнке – в этом я уверена.

– Да, наверное... Пока я ещё ничего не знаю, всё зависит от многих факторов, – пожимаю плечами и стараюсь выглядеть дружелюбной я.

– А что твоя сестра? Так и живёт с твоим бывшим?

Вопрос бьёт ниже пояса. Зачем Виктору было наступать на больную мозоль?

– Нет... Но подробностей их расставания я не знаю... Ты уж прости...

Я встаю на ноги и переминаюсь, готовая в любую секунду сбежать отсюда. Мелкий озноб пронизывает всё тело. Мысли снова возвращаются в тот день, когда я застучала Багрянского со своей сестрой. Баб Нюра выходит, даёт мне постельное бельё и с недоумением смотрит на меня, а я благодарю её и сбегаю. Хочу побыть одна, отключиться от всех мыслей, которые начинают водить хороводы и пробуждать внутри слёзы.

– Тань, подожди! Прости, что я напомнил тебе об этом! Я ведь не имел ввиду ничего такого... Не хотел причинять тебе боль... – выскакивает следом за мной Виктор.

– Всё хорошо, Вить, правда! Я устала просто, хочется немного прийти в себя с дороги. Я пойду, ладно? Встретимся завтра...

Я ухожу и мысленно благодарю Виктора за то, что он не идёт следом.

Оказавшись в доме, даю волю слезам. Захлёбываюсь ры-

даниями, задыхаюсь от переизбытка эмоций, а потом успокаиваюсь и отвлекаюсь на уборку.

Утром я просыпаюсь от звонка телефона и не сразу понимаю, что это не сон. Я ненадолго забываю, что оказалась в родном городе, и вздрагиваю, когда суровая реальность ударяет обухом по голове.

Звонит ОН...

Багрянский...

Замечаю, сколько уже время и подпрыгиваю, понимая, что проспала. Сердце клокочет в венах, и я начинаю быстро одеваться. Не успеваю накраситься, лишь делаю несколько мазков туши на ресницы и собираю волосы в хвост. Настойчивый стук в дверь приводит меня в чувства, и яоткрываю.

– Прости, я проспала! – извиняюсь, а потом думаю, что не должна просить прощения у него.

– Тань, я не мог дозвониться до тебя с утра, – обеспокоенным голосом заявляет мужчина. – Прости меня, что не предупредил, но мне не с кем было оставить дочь, поэтому Ася приехала со мной!

Мужчина выглядит подавленным, а меня обдаёт волной жара, и я несмело бросаю взгляд за плечо мужчины. Около машины стоит худенькая, бледная, как мелованная бумага, девочка и переминается с ноги на ногу. Она выглядит уставшей и обеспокоенной, и моё сердце сжимается, а на глаза наворачиваются слёзы. Она так похожа на меня маленькую...

Багрянский, проследив за моим взглядом, делает шаг на-

зад, открывая меня и позволяя дочери увидеть, за кем они приехали.

– Ася, поздоровайся с тётёй Таней, сейчас мы отвезём её в больничку, а потом поедem в парк, как я и обещал!

– Привет! – устало лепечет девочка и улыбается с каким-то сочувствием. – Ты тоже болеешь? Не волнуйся! Папа говорит, что всё поправимо, и болезнь не останется надолго.

Я перевожу затуманенный от слёз взгляд на Багрянского и думаю, что он непременно пожалеет о содеянном... Наверняка, он специально притащил с собой дочь, чтобы не оставить мне выбора.

Глава 6. Демьян

Таня смотрит на меня с ненавистью, и я понимаю её чувства. Они прожигают в груди ещё большую дыру. Хотя... Куда ещё больше? Точно так же она смотрела на меня в тот день, когда я приехал и на коленях ползал перед ней, пытаюсь объяснить, что ничего не понимал, когда был вместе с её сестрой.

– Пожалуйста, услышь меня, Таня! Молю тебя! Я был уверен в том, что это ты... Я бы никогда даже не посмотрел на твою сестру! Ты ведь знаешь это! Наш пароль, Таня... Помнишь наш пароль?

– Убирайся прочь, Багрянский! Ты жалок... Мне не нужны твои слёзы. Они ничего не исправят. Ты ничтожество, и я не хочу больше видеть тебя. Просто исчезни.

Небо разразилось громом, дождь полил как из ведра. Молнии сверкали так сильно, что мне становилось страшно, а Таня захлопнула передо мной дверь. Стоя на коленях под ледяным дождём, я рыдал вместе с ним, понимая, что потерял любимую женщину окончательно. Именно в то мгновение внутри появилась огромная чёрная дыра, бездна, в которую я окунулся с головой и пребываю в ней по сей день.

– Тань, это не спланировано... Клянусь тебе! – говорю я, а она мотает головой и проходит мимо меня.

– Привет, малышка! – с болью выдавливает Таня. – Спаси-

бо, папа прав: болезни – временное явление. Всё обязательно будет хорошо, ведь за нами наблюдает ангел-хранитель.

Я помогаю Асе сесть в детское кресло и пристёгиваю её. Думаю над абсурдностью сложившейся ситуации. Конечно, Дымка считает виновным во всём меня, ведь это я притащил с собой дочь, с которой она не желала знакомиться... Но я сделал это не намерено. Буквально за пару минут до выхода из дома, Асиной няне позвонили из сада и сообщили, что её внук подрался с кем-то и сильно разбил бровь. Так как до матери ребёнка дозвониться не удалось, потому что на работе у неё плохо ловила телефонная связь, Юлия Сергеевна отпросилась у меня, и я был вынужден отпустить её. Я отлично понимал её чувства, как и понимал то, что Таня возненавидит меня ещё сильнее. До второй няньки дозвониться не получилось. Я, конечно, хотел перенести всё, но врач настоял на том, что Таня должна приехать сегодня, потому что вечно идти мне на уступки и принимать вне очереди может оказаться чреватым для него. У меня не было выбора, но я не смогу объяснить это ей. Что бы я ни сделал, я буду плохим человеком в глазах женщины, которую так сильно любил.

– Ты предатель, Багрянский! – звонкий голос Дымки из прошлого снова врывается в уши, и я хочу прочистить их, чтобы не слышать её слова.

– Дымка-а! Ты отняла у меня всё! Так хотя бы выслушай теперь... Я просто хочу поговорить с тобой... Я не прошу тебя простить и вернуться... Прошу тебя, просто услышь

меня!

– Уходи!

– Тогда скажи мне, что ты не любишь меня, Дымка...

Скажи мне это, глядя в глаза.

– Я ненавижу тебя, Багрянский! Не-на-ви-жу!

Тогда она воткнула мне нож в спину, провернула его и ушла, оставляя кровоточащую рану в чёрной обгоревшей душе.

Я мотаю головой и отрешаюсь от всех воспоминаний. Теперь-то я знаю, почему Дымка так поступила со мной... Она потеряла нашего ребёнка... Нашего малыша. Боль трепещет в груди, а я сажусь в машину и завожу мотор.

Если бы не болезнь дочери, я не появился бы больше в жизни Дымки, как она и просила... Я не стал бы вскрывать и без того не успевшие зажить раны в душах обоих из нас.

– А ты сильно болеешь? – спрашивает Ася.

– Ась, мы договаривались, что поболтаем с тобой в парке! Не стоит мучить тётю Таню вопросами! – пытаюсь успокоить дочь, хоть и радуюсь, что она хотя бы немного разговорилась.

Вчера она проспала весь день после того, как мы приехали из больницы, отказывалась от еды и совсем ничего не хотела.

– Нет... Не скажу, что сильно. Всё в порядке! – отвечает Дымка и отводит взгляд в сторону окна.

– А я умираю... Папа говорит, что я не умру, но я знаю, что скоро улечу ангелочком на небеса.

Сердце сжимается, и я резко выворачиваю руль, чуть бы-

ло не вылетел на встречу. Внутри всё разрывается от противоречивых эмоций. Нужно было всё отменить и заплатить врачу больше, чтобы он нашёл ещё одно окошко для нас.

Дурак!

Не следовало тащить с собой дочь.

Замечаю в зеркале заднего вида, что Дымка вытирает слёзы со щёк и выдавливает из себя улыбку.

– Нет, милая, ты не должна так думать... Знаешь, у тебя есть маленький ангел-хранитель... Он не позволит тебе погибнуть! Он ушёл слишком рано, так и не успев повидать жизнь, но он не позволит уйти и тебе.

– Твой ребёночек? – спрашивает Ася, и меня разрывает.

Откуда ребёнку знать о таких вещах?

Конечно же, Дымка посчитает, что это я научил Асю, но я никогда не посмел бы манипулировать собственной дочерью.

Щёки становятся влажными, и я едва могу следить за дорогой. Меня трясёт как безумца. Нет. Совсем не время для таких разговоров.

Совсем не время.

– Да, солнышко! Мой ребёночек, – всхлипывает Таня, а Ася берёт её за руку.

– Не плачь только! Если я улечу на небеса, то обязательно пригляжу за ним! – шепчет Ася, а я понимаю, что ещё немного, и я просто потеряю контроль над собой.

– Ась, давай лучше поговорим о предстоящей прогулке?

Доктор разрешил тебе немного покататься на аттракционах. Уже решила, на какой пойдёшь? – спрашиваю дрожащим голосом.

Дымка ловит мой взгляд в зеркале заднего вида и смотрит с благодарностью, но меня не за что благодарить.

Я снова накосячил...

И мне не найти оправдание...

Потому что меня никто не захочет слышать.

Снова.

Мы подъезжаем к знакомому медицинскому центру, и я замечаю, как искажается лицо дочери от ужаса. Она знает, что здесь ничего хорошего её не ждёт, и мне больно от мысли, что ей придётся снова оказаться в стенах здания, пропитанного разочарованиями. Надеюсь, что скоро наши мучения закончатся.

– Ася, давай проводим тётю Таню? Сегодня тебя доктор не станет осматривать, тебе нечего бояться... – пытаюсь успокоить малышку, повернувшись в её сторону.

– Не надо меня провожать, просто скажи, к какому врачу идти и всё! – мотает головой Таня.

Она хочет сбежать от нас – это видно по её поведению, и я не могу осуждать её. Спасибо хотя бы на том, что не отказала и приехала сюда, чтобы попытаться помочь Асе.

Я даже не спросил, как будет осуществляться забор стволовых клеток, и не должна ли Дымка остаться в больнице

после этого. Переживаю и хочу лично поговорить с врачом, но вовремя вспоминаю, что у меня есть его личный номер телефона.

– Скажи администратору мою фамилию, и она проводит тебя. Она всё знает.

Таня кивает и выходит из автомобиля, а я едва сдерживаюсь, чтобы не рвануть следом за ней. Набираю номер врача, решив уточнить, как и что будет делаться, и не нужна ли Дымке поддержка.

– Андрей Семёнович, это Багрянский... Я отправил Дым... ой, Таню, к вам. Скажите, насколько серьёзна процедура забора стволовых клеток? Есть ли вероятность того, что Тане станет после неё плохо и придётся остаться?

– Доброе утро! Ну что вы! Процедура безобидная, если только девушка не теряет сознание при виде крови. Мы возьмём её кровь из вены и проверим всё, что потребуется. Вам не о чем беспокоиться... Вы ведь сами уже проходили через это.

Проходил...

Но уже толком и не помню, через что именно и когда я проходил.

– Я понял. Спасибо.

– Вы, я так понимаю, приехали не с ней?

– Я приехал с дочерью, не хотелось бы тащить её в больницу...

– Да, конечно, я понимаю вас... Ну тогда мы всё сделаем

быстро, вам не придётся ждать.

Я благодарю врача и отключаю телефон. Какое-то время в машине стоит напряжённая тишина, которую нарушает голос моей дочери.

– Папа, ты обидел тётю Таню?

– С чего ты взяла?

Я оборачиваюсь и с недоумением смотрю на Асю.

– Все улыбаются, когда разговаривают с тобой, а она грустит... – отвечает девочка и покачивает головкой, как фарфоровая балерина. Бледная и практически безжизненная.

Да... Я обидел Таню... Но я не хочу рассказывать это дочери. Ей ни к чему знать такие подробности.

– Скажем так, в прошлом у нас с ней было кое-что, из-за чего тётя Таня может обижаться на меня сейчас.

– Она красивая, папа! Тебе нужно извиниться и подарить ей цветочки! Все тётеньки любят цветочки.

– Правда? – я улыбаюсь, думая о том, что моя дочь чересчур смекалиста. Её ждёт большое будущее, после того, как мы справимся с заболеванием. А мы справимся с ним. Обязательно.

– Какой ты глупенький, папа! Конечно же! – смеивается Ася.

Душу согревает улыбка, озарившая детское личико, и мне становится приятно от мысли, что Ася радуется хотя бы чему-то. Это Таня заставляет её улыбаться. Как бы здорово было, если бы она согласилась поехать вместе с нами в парк...

Вот только я не посмею даже попросить её об этом.

Довольно скоро девушка появляется на пороге больницы и смотрит по сторонам. Она ждёт кого-то другого? Дымка направляется к моей машине и садится в салон.

– Почему вы не уехали? Собирались ведь в парк... – хмурится она.

– А ты хочешь поехать с нами? – озвучивает мои мысли Ася, и я даже не знаю, благодарен я ей за это или нет... Не хотелось напрашиваться.

– С вами? – Дымка зло смотрит на меня.

Ну конечно! Снова считает, что злой Багрянский внушил дочери, как и что надо говорить... Я мотаю головой, пытаюсь дать понять, что совсем не причастен и даже не намекал Асе, что мы можем прогуляться все вместе.

– Там аттракционы и большой медведь, который угощает всех сахарной ватой. Мне нельзя сладкое, но в парке папа позволяет немного сахарной ваты. Поедем с нами? Папа и тебе разрешит поесть вату! Или у тебя нет папы?

Дымка теряетя, и я решаю взять ситуацию под свой контроль. Важно показать, что я не пытаюсь манипулировать дочерью, чтобы Дымка не собрала вещи и не сбежала домой первым же рейсом.

– Ась, тётя Таня уже взрослая, и ей совсем не интересны парки аттракционов... Давай, мы отвезём её домой, а потом поедем гулять? Нам не стоит терять время, ведь тебе ещё нужно успеть покушать перед приёмом препаратов.

– Тётя Таня не против поехать в парк аттракционов! – вдруг заявляет Дымка, чем вводит меня в ступор, ведь я думал, что она хочет как можно быстрее сбежать из нашей компании. – Вот только мне ещё нужно успеть заехать в магазин, чтобы купить продукты и постельное бельё...

Она напряжённо думает о чём-то.

– Я организую всё. Тебе привезут всё самое лучшее! – произношу с надеждой в голосе, не веря, что проведу немного времени с Дымкой после нашего расставания. И я надеюсь, что эта прогулка не будет похожа на войну, кипящую между нами.

– Спасибо, но мне ничего не нужно, Багрянский... Ладно, мы можем прокатиться и поесть сахарную вату. А потом отвезёте меня домой и поедите отдохнуть.

– Ура! Втроём будет веселее, – радуется Ася.

Моя дочь привыкла к нянькам, и я надеюсь, что ничего такого не случится, если она проведёт немного времени вместе с Таней... Вряд ли она привяжется к той и будет тянуться к ней, как к матери, ведь она и мать никогда не видела.

Мысленно возвращаюсь в прошлое, когда Ася появилась на свет.

– Что это такое, Багрянский? – противный визг разрезал барабанные перепонки, прорываясь сквозь темноту.

Я включил свет и сделал шаг вперёд.

Аня сидела на стуле посреди комнаты, связанная по рукам и ногам. Ребята не позаботились о том, чтобы закле-

ить ей рот...

А зря.

– Вместо того чтобы встречать меня из роддома с цветами и воздушными шариками, ты приказываешь своим го-
ловорезам притащить меня сюда? – заверещала истеричка,
глядя на меня так, словно я ей что-то должен.

– Ты пыталась убить собственного ребёнка... – я до-
стал пистолет и навёл его на Аню. Медленно снял с предо-
хранителя, устремляя взгляд на Гадюку, испортившую мою
жизнь.

– Ты в своём уме? Она мешала мне спать своим ором... Я
не просила приносить её в палату... Я положила на неё по-
душку, чтобы не слышать вопли... Я не пыталась её убить.

Палец дрожал, и я почти готов был нажать на спуско-
вой крючок. Вот только пристально глядя на тварь, я видел
в ней до боли знакомые черты любимой женщины, и рука
не поднималась сделать это... В отголосках сознания бился
голос Тани, молящей не трогать её сестру. Я знал, что она
никогда не простит меня, если узнает, что жизнь её сестры
оборвалась пулей, выпущенной из моего пистолета. Знал и
то, что однажды дочь может узнать об этом и возненави-
дит меня... Я струсил.

– Тебе нет оправдания, знаешь ведь...

– Багрянский, отпусти меня...

– Отпущу... После того, как ты напишешь нотариально
заверенный отказ от дочери...

— Да ты и нотариус умудрился сюда притащить? А ты предусмотрительный ... — мерзко хихикнула Аня.

— Теперь уже да... — ответил я и пригласил своего нотариуса, в руках которого находились заранее подготовленные документы.

Глава 7. Дымка

Сама не знаю, зачем согласилась на эту прогулку. Хотела просто сказать слово против Багрянского? Голова идёт кругом, когда я думаю о том, что проведу с ним, пусть и не целый день, но несколько часов. Мне это совершенно не нужно. Вот только я уже ответила «да» и дороги назад нет. Не знаю, сам он намекнул ребёнку пригласить меня на эту прогулку, или девочка почувствовала во мне родного человека? Мне жаль её... Конечно, мне жаль всех больных детей, но, глядя на эту малышку, я будто бы возвращаюсь в прошлое, в то время, когда мама сделала выбор. Новый муж заставил её оставить только одного ребёнка, и им стала не я... Тогда я была такой же худенькой, бледной и потерянной. Вот только я не болела, и рядом оказалась любящая бабушка, которая приняла меня и подняла на ноги. Я тяжело вздыхаю и наблюдаю в окно за дорогой, медленно проплывающей перед глазами, как и прошлое, в котором всё было вроде бы безоблачным и светлым.

– А ты любишь смотреть на небеса? – вдруг спрашивает Ася.

Я поворачиваюсь и несколько секунд смотрю на девочку.

– Люблю... Там, где я живу, открывается прекрасный вид на них, потому что солнце быстро уходит на другую сторону и не слепит глаза. Я частенько смотрю на небеса.

– Я бы тоже хотела смотреть на них долго-долго... Мне кажется, что там моя мама! Может, если смотреть туда долго, то можно увидеть её?

Сердце обрывается и начинает хаотично ударяться о рёбра. Я выдавливаю улыбку. Бедная! Она совсем ничего не знает о своей матери и считает, что та умерла...

Замечаю в зеркале заднего вида взгляд Багрянского, наполненный сильнейшей болью. Интересно, что помешало ему развестись с Аней и найти себе женщину, которая стала бы матерью для его дочери? За ним всегда увивалось немало представительниц прекрасного пола... Почему не выбрал ту самую, которая смогла бы позаботиться о его дочери? Тосковал по нашему прошлому? Конечно, нет! Ерунда какая-то... У него ведь была Аня... Если бы он любил меня на самом деле и по ошибке переспал с моей сестрой, в чём пытался уверить меня первое время, то он бы не женился на ней. Наверное... Отгоняю эти мысли прочь, думая о том, что всё осталось в прошлом и воротить уже ничего нельзя.

– Там моя бабушка! Она была мне как мама... – негромко произношу я. – Когда я смотрю на небеса, мне кажется, что она глядит на меня с них и говорит, что всё будет хорошо... Ты веришь в чудеса?

– Не знаю... Я не видела чудеса. В сказках всё совсем не так, как на самом деле...

Пессимизм девочки удручает меня. Даже во взрослом возрасте я не утратила веру в чудо, а она и не пыталась верить

в него, даже слушать ничего не хотела, судя по всему. Я решаю, что стоит прекратить эту тему. В конце концов, я ей не мать и привязываться к девочке не планирую. Если мои стволовые клетки подойдут для пересадки костного мозга, то я уже скоро сделаю это и вернусь домой, где всё снова сольётся с серой обыденностью без всех этих ярко выраженных эмоциональных всплесков, которые посещают меня сейчас.

– А можно мне посмотреть на небеса там, где ты живёшь?
Ася режет по живому.

Мне не хотелось бы проводить с ними ещё больше времени, но и отказать ребёнку я не могу. Язык просто не повернётся.

– Конечно... Посмотришь, когда отвезёте меня домой! – улыбаюсь я.

Мы подъезжаем к парку, и Багрянский начинает искать место для парковки. Мужчина внимательно вглядывается в заставленные места и негромко бормочет под нос ругательства. Попасть сюда в такое время суток не так-то просто... Помнится однажды, когда мы с ним приехали сюда в прошлом, нам пришлось оставлять машину за остановку до парка и идти сюда пешком. Мы тогда до позднего вечера катались на аттракционах, ели сахарную вату, пили газировку и наслаждались жизнью.

– Ты сладкая, как сахарная вата, – сказал мне Багрянский, задевая меня за кончик носа пальцем. – Вот только люблю я тебя гораздо сильнее, чем её.

– Ты меня любишь?

Тогда он впервые признался в своих чувствах. Я растерялась и широко распахнула глаза.

– А разве это незаметно? – засмеялся мужчина, притянул меня к себе и поцеловал в губы. – Разве в ином случае взрослый состоятельный мужчина стал бегать с тобой по парку и кататься на аттракционах?

Мы звонко засмеялись вместе, я встала на носочки и шепнула ему на ухо: – Я тоже тебя люблю.

Становится горько от того, что эти воспоминания вернулись так не вовремя, а небо тут же разражается громом. Я вздрагиваю и инстинктивно вжимаюсь в спинку сиденья.

– По прогнозам обещали хорошую погоду! – хмурится Багрянский, сумевший наконец отыскать свободное местечко, но выйти из машины мы не успеваем, потому что начинается сильнейший ливень. – Малыш, прости, я снова не оправдал твоих надежд и не сдержал обещание! – извиняется мужчина, глядя на дочь.

– Тогда мы уже скоро сможем посмотреть на небо, если отвезём Таню домой! – улыбается Ася.

Я смотрю на неё и не могу понять: вроде бы девочка показалась мне пессимистичной, но её настроение быстро изменилось, теперь она сияла и радовалась жизни.

– Да, конечно... Если Таня не будет против...

Багрянский с надеждой смотрит на меня, а я тяжело вздыхаю.

– Скорее всего, там тоже идёт дождь, но если его нет, то мы сможем посидеть на крыльце и полюбоваться небесами...

– Ура! Тогда нужно купить вкусную еду для пикника!

Меня бьёт эта идея наотмашь, и я рассчитываю, что всё-таки дождь будет и в нашей деревне, а Багрянский придумает, как увлечь дочь и отвезти её домой.

Выдавливаю улыбку и думаю, как сильно я вляпалась.

По пути мы всё-таки заезжаем в ресторан, где Багрянский берёт еду на вынос. Аппетитные запахи быстро заполняют салон, и у меня во рту начинает активно образовываться слюна. Последний раз я кушала у бабы Нюры, и теперь голод начинает настойчиво напоминать о себе. Ася с улыбкой смотрит на меня каждый раз, когда живот начинает урчать, а я смущаюсь и отвожу взгляд в сторону. Мне непривычно общаться с ребёнком, я не знаю, как вести себя с ней, чтобы не привыкнуть и не приручить.

Добравшись до деревни, мы выходим из машины. Я ловлю на себе заинтересованные взгляды соседей, примерно представляя, о чём именно они будут судачить в ближайшее время. Начнут перемывать мне косточки и говорить, что я простила изменщика...

Тяжело вздыхаю, но сплетни – последнее, что волнует меня, поэтому стараюсь не обращать на них совершенно никакого внимания. Куда хуже, что творится у меня самой на душе, и что будет, если я продолжу так тесно общаться с дочерью своей сестры-предательницы.

Мы входим во двор, и я с грустью обвожу его взглядом. Ася немного морщится, поглядывая на траву, которая чуть ли не с неё ростом.

– Я давно тут не жила... Здесь бы всё привести в порядок... Вон там... – показываю в сторону заднего двора, – даже кусты с ягодками есть, но мы до них сейчас не доберёмся.

– Мне тут нравится! – улыбается Ася. – Можно заблудиться как в лесу! Вот только где же мы будем устраивать пикник?

– А это станет проблемой... Можно сесть на крыльце. Я принесу плед, который мы сможем расстелить здесь.

Ася кивает, и я скрываюсь в доме. Всё внутри пропахло сыростью, и я надеюсь, что на солнце от этого запаха быстро не останется следа. Беру свой любимый плотный плед, выхожу на крыльцо и удивлённо застываю взглядом на бывшем: Багрянский снял пиджак, закатал рукава своей белоснежной рубашки и взял в руки косу, которая уже успела заржаветь за эти семь лет. Он скошил некоторую часть травы и теперь смотрит на меня с виноватой улыбкой на губах.

– Извини, что решил похозяйничать, но мне кажется, что здесь просто идеальное место для того, чтобы организовать пикник! – кивает бывший.

Сердце сжимается, и мне тяжело сделать вдох. Стальные тиски сдавливают горло, когда я смотрю на Багрянского и вспоминаю, как он впервые взял косу в руки.

Прошлое настойчиво врывается в мою жизнь, напоминая

о том, как в нём было хорошо. До измены, разделившей всё на «было» и «стало».

– Как тут красиво! – восхищается Ася, и я смотрю на неё, пытаюсь понять, чем руководствовалась Аня, бросив своего ребёнка.

Или это Багрянский вынудил её так поступить?

Мужчина ставит косу и оттряхивает руки. Он смотрит на меня несколько мгновений, а я сбегаю от его взгляда и спешу расстелить плед на выкошенной полянке.

– Если хочешь, я могу всё здесь убрать, раз уж ты решила жить пока тут...

– Спасибо, но не стоит... Как-нибудь справлюсь сама.

– Я понял! – соглашается бывший.

– Почему она бросила дочь? – вдруг спрашиваю я, оборачиваясь в сторону мужчины, и наши взгляды с ним пересекаются.

– Потому что та нужна была ей, чтобы привязать к себе мои деньги? – задаёт мужчина встречный вопрос.

– Но ты сам женился на ней...

– Действительно хочешь поговорить об этом?

Взгляд мужчины прожигает меня насквозь, и я понимаю, что чем больше мы с ним общаемся, тем больше становится снова. Отрицательно мотаю головой и вместе с Асей начинаю расставлять еду из пакетов на плед.

После плотного обеда Багрянский достаёт из машины пакет и даёт дочери одну таблетку за другой, а она смиренно

пъёт каждую. На глаза наворачиваются слёзы, и я надеюсь, что в ближайшее время эта девочка вылечится.

Багрянский держится рядом со своей дочерью, и когда мы с ней начинаем разглядывать густые облака, он отходит в сторонку, сохраняя между мной и ним дистанцию. Мы ложимся на согретый солнцем и уже успевший просохнуть плед, и смотрим на сгустившиеся облака. Я показываю Асе одно из них и спрашиваю, с чем оно ассоциируется у неё.

– С постелькой! У меня в больнице была такая же постелька...

Смотрю на девочку. Больница ещё долго не выйдет у неё из головы. Я тяжело вздыхаю, но стараюсь не подавать вида, что жалею её, потому что Ася явно не нуждается в сострадании. Она сильная и умная девочка.

– Таня? – слышу негромкий зовущий меня голос и вздрагиваю.

Виктор.

Наши взгляды с Багрянским пересекаются, а я поднимаюсь на ноги и спешу к воротам.

– Привет! У меня получилось вырваться с работы пораньше... Думал, что прогуляемся и пообедаем вместе, а теперь понимаю, что пришёл не вовремя. Ты снова со своим бывшим?

– Нет! Вить, это не то, что ты подумал... Мы с Багрянским не вместе и никогда не будем вместе... Я всё расскажу тебе позднее. Ладно? Давай ты вернёшься через часик? Я надея-

лась, что ты согласишься свозить меня в город за продуктами, и мы с тобой сможем обо всём поговорить.

Виктор зло смотрит на Демьяна, а тот не сводит взгляд с него. Они ведут себя как два идиота, но если злость Виктора я ещё могу понять, то вот ревность бывшего – нет.

– Ладно. Надеюсь, что твои объяснения имеют хоть что-то общее со здравым смыслом! – кивает Виктор, улыбается и уходит.

– Это твой жених? – спрашивает Ася, когда я возвращаюсь.

Жених?

Сердце колотится в груди, и я снова кошусь на Багрянского, того, кто был моим единственным женихом и почти успел стать мужем.

У меня действительно был жених...

Но теперь его нет.

– Не знаю, пока... Всё возможно, – пожимаю плечами я и слышу, как бывший скрипит зубами.

Глава 8. Демьян

Руки сжимаются в кулаки, а я всё не могу отвести взгляд от места, на котором стоял этот «жених». Откуда он свалился? Неужели приехал следом за Таней? Мне ничего не передавали о том, чтобы она ходила на свидания и вообще встречалась с кем-то в последнее время. Так откуда появиться этому жениху? Или Таня хочет просто насолить мне?

Перевожу на девушку взгляд, и мы несколько секунд безотрывно смотрим друг на друга. Дымка выдерживает презрение в своём взоре, а я пытаюсь понять – она хотя бы догадывается, что сама подложила сестру под меня? Внутри кипит ярость, но я успешно давлю её, потому что рядом дочь. Дочь, которая зависит от Тани, от её решения помогать нам дальше. Если девушка откажется, то моя малышка может умереть. Сердце сжимается, и я отвожу взгляд в сторону.

Нет.

Не умрёт.

Я буду из кожи вон лезть, чтобы она осталась со мной и повидала жизнь, насладилась всеми яркими красками той.

Какое-то время Таня с Асей разглядывают облака, плывущие по нежному небесному полотну, а я стою на месте и всё думаю об этом женихе...

Мужик смотрел на меня так, словно знал всё об измене и о том, что Дымка не должна была прощать меня. А ещё в

его взгляде горело что-то собственническое, словно девушка уже пообещала ему хранить верность до гробовой доски.

Могла ли Таня дать такое обещание?

Вряд ли...

Посмотрев на часы, я понимаю, что мы уж слишком загулялись. Асе пора домой. Ей нужно больше отдыхать по назначению врача, хотя я не могу не отметить, что на её щёчках появился едва заметный румянец, который буквально бросается в глаза. Асе нравится здесь, но я не смею задерживать её рядом с Таней. Если дочь привыкнет к своей тёте, она будет скучать по ней и страдать ещё сильнее...

Они обе будут страдать.

– Ася, нам пора ехать домой... – говорю негромко, стараюсь не испугать чересчур увлечённых девочек.

– Можно побыть тут ещё немного? – начинает дуть губки малышка.

– Милая, ты можешь приехать потом снова. Если папа говорит, что пора, значит пора... Да и мне нужно собираться, потому что сейчас мы с Витей поедem в магазин.

– С твоим женихом?

Мне снова становится приторно-тошно от вопроса дочери. Хочется прочистить уши и не слышать это слово – «жених».

Когда-то ведь я был её женихом...

И рассчитывал стать мужем.

– Да, с ним! – кивает Таня и поджимает губы, словно ей

неприятно оправдываться перед ребёнком и говорить о таких взрослых вещах.

Дочь нехотя поднимается на ноги, и я помогаю ей сесть в машину. Дымка просит подождать немного и говорит, что хочет сделать моей дочери подарок. Она скрывается в доме, а я, под предлогом, что хочу сходить в туалет, чтобы Ася не беспокоилась, спешу за девушкой.

Мы сталкиваемся на веранде. Дымка испуганно смотрит на меня, сжимая в руках маленького зайчика, связанного из серых ниток. Она сама связала его, когда ей было двенадцать – это я хорошо запомнил из её рассказов.

– Что тебе нужно? – спрашивает Дымка, продолжая смотреть на меня, как на врага, который в любую секунду может навредить ей.

Не могу держать себя в руках, потому что воспоминания, в мгновение нахлынувшие на меня при виде девушки, вызывают внутри сильнейшее желание прикоснуться к ней. Я понимаю, что буду жалеть об этом впоследствии, но хватаю Дымку за запястья и тяну на себя. На мгновение она теряет сознание и ударяется о мою грудь. Аромат вишни проникает в носовые пазухи и сводит меня с ума.

Моя дымчатая вишенка...

Голова идёт кругом.

Я уже не помню толком, зачем зашёл сюда, хочу вот так стоять с ней и наслаждаться её близостью, дрожью девичьего тела...

– Ты в своём уме, Багрянский? – огрызается Дымка и вырывает руки.

Она делает шаг назад и смотрит на меня взглядом разъярённой хищницы. Она злится. Сильно злится на меня, но я вижу в этих эмоциях что-то ещё...

Она тоже вспомнила нашу первую ночь здесь, и страсть, которая свела нас обоих с ума в своё время.

– Нет... Наверное, нет... – мотаю головой я и наступаю. Дымка движется назад, но оказывается прижатой к двери, ведущей в дом. Она дрожит под моим напором. Боится меня... – Что за жених? У вас с ним есть что-то?

– Это не должно тебя касаться! – шипит девушка и старательно пытается оттолкнуть от себя, но не отступаю.

– Не должно, а касается!

– Лучше бы позаботился о том, где и с кем пропадает твоя жена! – с обидой выдаёт Дымка, и я понимаю, что внутри неё остались чувства ко мне, пусть она и пытается доказать обратное.

– У меня нет жены... – заявляю я и облизываю нижнюю губу.

– Если ты непустишь меня, то я...

Не даю Дымке договорить и маниакально прикасаюсь к её щеке. Провожу подушечками пальцев по нежной коже и понимаю, что заведён до предела, и если не остановлюсь сейчас, то превращусь в насильника.

– Позовёшь своего жениха? – спрашиваю с придыханием,

склонившись к её ушку, которое она так любила, когда я целовал и обдавал своим горячим дыханием.

Сильная боль в районе коленной чашечки отрезвляет меня, и хватка слабеет. Дымка изворачивается и отскакивает в сторону. Я пока не могу даже слово выдавить от боли, а она грозно смотрит на меня.

– Я сама могу за себя постоять! У меня был хороший учитель в своё время!

Девчонка улепётывает на улицу, а я с силой ударяю кулаками о дверь. Я потерял разум рядом с ней, позволил ревности одержать верх и поставил под угрозу безопасность своей дочери... Впредь следует лучше контролировать себя.

Боль в колене потихонечку умолкает, и я нормально могу начать шевелить ногой. Этому приёму я обучил Дымку, чтобы в случае необходимости она знала, как отбиться от противника. И она сделала это отменно. Превзошла своего учителя – ничего не скажешь.

Жаль, что её противником стал я.

Ненадолго меня уносит в прошлое, и я вспоминаю наш разговор с Дымкой, после того, как мы провели жаркую ночь в этом доме.

– А ты напивался когда-нибудь до такого состояния, чтобы провести ночь с девушкой, а наутро ничего не помнить?

– Ты задаёшь мне такой вопрос после того, как мы провели незабываемую ночь вместе? Ну... Пьян я не был ни капли

и ничего не забуду – это уж точно.

– Не об этом я, глупый... Просто спросила... Не бери в голову.

– Не знаю, зачем ты спросила это, но был один случай, когда я мог натворить что угодно, но при этом ничего не помнить...

Стараюсь забыть всё, что связано с Дымкой, осознавая, что это часть прошлого, которую мы добровольно закопали под руинами обид. Сегодня я позволил ревности одержать верх, но не должен был этого делать.

На мгновение я забыл, что именно стоит на кону.

Жизнь моей дочери.

Нельзя больше идти на поводу у своих чувств.

Нель-зя.

Выхожу на улицу и несколько секунд смотрю на Дымку. Она стоит у машины и с улыбкой на губах что-то рассказывает Асе. Сердце заходится в груди, но я унимаю его. Семь лет я не позволял себе думать об этой женщине, как о своей, так какой дьявол заставил меня сделать это теперь?

Виновато смотрю на Дымку, приблизившись к ней, а она начинает зажиматься, скрещивает руки на груди и готовится защищаться.

– Спасибо за сегодняшний день. Уверен, что он стал незабываемым не только для меня, – киваю я и иду к водительскому сиденью, опасаясь, что снова сорвусь.

Нель-зя...

Сажусь в машину, и Ася начинает хвастаться, показывая подарок, который ей подарила Дымка. Я понимаю, что дочь прониклась к когда-то моей невесте симпатией и корю себя за то, что согласился на этот пикник. Всё перевернулось вверх дном. Если бы я уехал раньше, то не узнал бы ничего об этом «женихе»... Не сходил бы с ума так сильно сейчас. Хмурюсь, поглядывая в сторону Тани, которая уже успела отойти к калитке. Она смотрит на Асю и улыбается, машет моей дочери, но полностью игнорирует моё присутствие... И я делаю то, что должен: завожу мотор и медленно выезжаю.

– А мы ещё приедем к Тане? Она хорошая! – говорит Ася, мечтательно улыбаясь.

Как часто она улыбалась за последние несколько месяцев? Её улыбки можно было пересчитать по пальцам, пожалуй... Сегодня их было явно больше, если не считать то, что дочь улыбалась, выдавливая из себя радость сквозь боль, чтобы поддержать меня.

И вот теперь моя дочь светится от счастья, а я не знаю, как долго оно продлится... Захочет ли Дымка встречаться с нами и следует ли мне позволять себе это?

– Ты не подарил ей цветочки, потому что у неё есть жених? – спрашивает дочь.

Не хочу говорить с ней о Дымке...

О цветочках...

О женихе.

О нём тем более!

– Нет, милая... Я не подарил ей цветочки, потому что так будет правильно... Я не могу дарить цветочки каждой женщине.

– Тётя Таня не каждая... – спорит Ася. – Она особенная! Как самая настоящая фея.

– Да. Как фея, – улыбаюсь я.

Фея, которая спасёт твою жизнь, а потом исчезнет и забудет о нас.

Вспоминаю, как Таня дрожала под напором моего взгляда, как таяла в моих руках и борюсь с желанием развернуть машину.

Пусть кричит, колотит меня, ненавидит, выплеснет все эмоции, а потом выплачется мне в плечо... И быть может хотя бы тогда мы сможем поговорить нормально?

Боль в колене напоминает о себе, и я понимаю, что там будет синяк. Нет. Такого разговора между нами никогда не будет. Если я буду использовать силу, Дымка никогда не простит меня и не станет слушать.

Скорее всего, шанса объясниться у меня уже нет и никогда не будет...

Мы доезжаем до дома, и Ася успевает заснуть в машине. Она крепко держит зайчика, прижимает к себе и время от времени улыбается во сне. Осторожно достаю дочь из салона и несу её в комнату. Укладываю на кровать и укрываю одеялом. Открываю окна, чтобы проветрить комнату, пропитанную медикаментами. Меня бесит этот идеальный по-

рядок, царящий там, ведь у детей должно быть всё разбросано, должны всюду стоять любимые игрушки, домики... яркие рисунки. А у неё нет ничего. Ничего кроме этого пикника, на котором она впервые за долгие месяцы улыбалась искренне, словно не замечала своего заболевания, словно не было этой привычной слабости и желания спать...

Выхожу из комнаты и сталкиваюсь с нянькой Аси.

– Как ваш внук? – с улыбкой спрашиваю я.

– Да всё хорошо. Спасибо. Дочери дозвонилась, она приехала домой. Будет брать больничный на работе и сидеть с ним дома. Непоседа тот ещё. Я часто ставлю ему в пример Асенку! – женщина осекается, поймав мой злой взгляд.

– Не стоит ставить в пример мою дочь. Уж лучше пусть ваш внук будет непоседой и набивает шишки, чем медленно гаснет! – выдаю я и ухожу в кабинет.

Сажусь за компьютерный стол и смотрю на фото, где мы с Дымкой счастливые и беззаботные. Все семь лет я хранил воспоминания о ней, пусть и пытался убедить себя, что «мы» уже в прошлом.

– Тань, давай не сегодня? Я устал, ничего не соображаю...
Голова идёт кругом...

– Ты не хочешь провести со мной время? – настойчивость невесты поразила меня. – Я могу ведь и обидеться... Тебе хватило внимания на мальчишнике, да? – обиженно спросила она.

– Нет! Что ты? О каком ты внимании вообще? Я на са-

мом деле неважно себя чувствую...

– Ты меня больше не любишь?

– Та-а-ань!

Она впилась в мои губы поцелуем, и я не смог оттолкнуть её от себя, пусть ничего толком не видел, всё плыло перед глазами, а голоса отзывались в голове каким-то противным эхо, словно их что-то искажало.

– Ладно... Постой... Глупо будет спрашивать, но назови наш пароль...

Я ни в чём не мог быть уверен в эту секунду и решил убедиться, что рядом со мной действительно находится моя невеста, вот только сильно ошибся...

И я понял это только рано утром, когда окончательно пришёл в себя.

Глава 9. Дымка

Тело всё ещё потрясывает после того, как Багрянский нагло прижал меня к стене. На что он рассчитывал? Думал, что наивная глупая Таня пожалеет его, забудет все обиды и простит? Слишком глупо и опрометчиво с его стороны...

Проводив взглядом его удаляющийся автомобиль, я вспоминаю тот самый день...

Демьян поехал на мальчишник, где по его словам находились по большей части партнёры, которых он не мог оставить без «веселья». Девичник для меня устроила сестра, но из знакомых мне девушек там находилась только она и школьная подруга... Я уехала первой и решила сделать своему жениху сюрприз.

– Тань, ты же не думаешь, что он уедет с мальчишника так рано? Там же стриптизёрши будут красивые... Твоему сегодня нужно вдоволь насладиться чужими обнажёнными телами.

– Брось... Демьяну всё это не нужно. Он уже позвонил мне и сообщил, что через час поедет домой... Он себя дурно чувствует, и я хочу быть рядом.

– И ты сообщила, что приедешь?

– Нет пока, это будет сюрприз... – загадочно улыбнулась я.

Вот только позвонила баба Нюра и сообщила, что у нас в

доме снова прорвало водопровод, и мне пришлось сорваться туда. Сокрушаясь, что приеду к Демьяну на пару часов позже, я вызвала такси и помчалась в деревню.

Тогда я даже не подозревала, что сестра тоже бросит своих подруг и поедет к моему жениху, чтобы он увидел на одно голое тело больше...

– Ты уже освободилась? – доносится до меня вкрадчивый голос Виктора, и я понимаю, что за воспоминаниями о прошлом не заметила, как начала убирать всё, что осталось после пикника.

– Да, Вить... Ты проходи! – выдавливаю улыбку, пусть улыбаться совсем не хочется. – Слушай, то, что ты видел...

– Меня это не должно касаться. Извини, что вспылил. Бабушка рассказывала, как сильно ты страдала, когда он тебя бросил. Я просто подумал, что должен предостеречь тебя от повтора... Ну сама ведь знаешь, каково это – наступать на грабли второй раз... А потом понял, что это не моё дело. Не смею я лезть в твою личную жизнь. Не хочу просто, чтобы тебе снова было больно.

– Нет, Вить... Ты не понимаешь! – мотаю головой я. – Мы с Багрянским не вместе. Всё слишком сложно... Его дочь серьёзно больна. Я могу помочь ей, поэтому я и вернулась сюда. Всё на самом деле невероятно сложно. И ты не прав – он меня не бросал, это я бросила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.